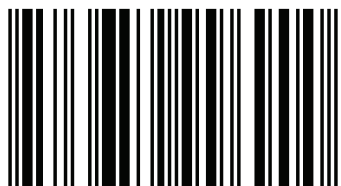

Сириусные кабусяки

В чем смысл жизни? Отвечая на этот фундаментальный вопрос, стоящий перед всем человечеством, древнегреческий философ Аристотель в свое время изрек: "Служить другим и делать добро". Хорошие слова. Правда, далеко не все им следуют. По разным причинам. Так, французский писатель Стендаль утверждал, что большая часть нашей жизни уходит на ошибки и дурные поступки; значительная часть протекает в бездействии, и почти всегда вся жизнь заключается в том, что мы делаем не то, что надо. Возможно, и по этой причине немецкий драматург Бертольд Брехт предостерегал, что бояться надо не смерти, а пустой жизни. Как в этой связи не вспомнить английского писателя-сатирика Уильяма Теккерея, который отмечал, что мир - это зеркало, и оно возвращает каждому его собственное изображение. Поэтому стоит прислушаться к словам французского философа Мишеля де Монтеня, который советовал видеть и постигать свои недостатки, чтобы уметь рассказать о них, а кто таит их от другого, тот таит их и от себя. Свою трактовку некоторых человеческих слабостей и недостатков - не всегда серьезную - дают и персонажи данного сборника ироничных заметок. Насколько они правы - судить читателям.

Более сорока пяти лет, отданные журналистике в студенческой ("Советский инженер"), заводской ("Трактор"), городской ("Вечерний Минск"), отраслевой ("Союз предпринимателей"), центральной ("Звезда") белорусской прессе, подарили автору немало встреч с разными людьми, впечатления от которых легли в основу этих ироничных строк с социальным уклоном.

978-3-659-99690-0

YAM publishing

Борис Залесский

Сириусные кабусяки

Ирония с социальным уклоном

Борис Залесский
Сириусные кабусяки

Борис Залесский

Сириусные кабусяки
Ирония с социальным уклоном

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

YAM Young Authors' Masterpieces Publishing

is a trademark of

International Book Market Service Ltd., member of OmniScriptum Publishing Group

17 Meldrum Street, Beau Bassin 71504, Mauritius

Printed at: see last page

ISBN: 978-3-659-99690-0

Copyright © Борис Залесский

Copyright © 2017 International Book Market Service Ltd., member of
OmniScriptum Publishing Group

All rights reserved. Beau Bassin 2017

Оглавление

Случай в зоопарке	3
Наблюдательность.....	5
Если бы не ГТО	6
Моцарт ... с прицепом	7
Дурак.....	8
Дрова.....	9
Слово к непьющим.....	11
Пришелец	13
Оборона	15
Обмен.....	17
На стадион!	19
Ковер.....	20
Цветы	22
Роль	24
История одного преступления	26
Как сократили Ивана-царевича.....	28
Кто выносит сор из избы?	31
На отдых!.....	33
Третьим будете?	35
Потерянный человек	37
Гипотеза.....	39
Как все началось	41
К природе – с любовью.....	44
Кто же был третьим?.....	46
Как мы дошли	48
Честный выбор	49
Конфликт.....	51
Культпоход.....	54

Схватка	57
Страшная месть	59
Сириусные кабусяки	62
Человек, который стоит за дверью	64
Активная позиция.....	68
Лифт.....	72
Внутренний голос.....	74
Послание к цивилизации	76
Абрикосы	79

Случай в зоопарке

Орангутанга Яшу посетители зоопарка уважали. Он не был похож на бессмысленно прыгающих в своих клетках мартышек, не имитировал голоса популярного эстрадного певца Вадима Мулермана и не “стрелял” у посетителей зоопарка закурить, как это делал его сосед слева – гиббон Маврикий, не подмигивал молодым девушкам правым глазом и не делал при этом циничных знаков, как сосед справа – шимпанзе Толя. Яша был умным орангутангом. Он любил думать...

В этот вечер он бесстрастно размышлял на тему индуктивности магнитных полей соленоида, выставив любопытным свои загоревшие ступни. Все было бы прекрасно, если бы у клетки вдруг не послышался шум явно искусственного происхождения. Яша лениво поднял голову. У клетки ближе остальной толпы стояли двое. С симпатично покрасневшими помидорными лицами.

– Эй, макака! Ты долго еще будешь валяться, – один из них, качнувшись, двинулся к клетке. Постучал по прутьям камнем. Толпа захихикала.

– Ты ему камешек кинь, – посоветовал второй. – Расшевели, а то, наверное, спит.

«Я те кину», – Яша, быстро обхватив первый попавшийся под хвост твердый небьющийся предмет, запустил его в первого. Толпа в ожидании загудела. К общему сожалению, прутья клетки не дали соприкоснуться двум инородным телам...

– Гриш, может ему завестись дать. Кому это охота на трезвую голову, – второй вытащил из пиджака бутылку. – Скотинка ведь тоже. На, возьми. Им, небось, здесь не часто дают.

«Сам ты скотинка. Это не то, что пить, этим натираться на ночь нельзя: шкура облезет», – выхватив протянутую бутылку, Яша что было силы ударил ею по прутьям клетки.

Толпа ахнула. Первый скорбно закрыл глаза. Второй невидящим взглядом обвел толпу...

– А-а-а! Граждане, все свидетели, я повода не давал, – дурным голосом крикнул второй, ринувшись на клетку. Толпа ухнула.

«Неужели эти идиоты чем-то похожи на меня? Неужели у нас одни предки? ... Вот она – цивилизация!» – глядя на синие лица ребят, думал Яша. От этой мысли ему стало не по себе...

Через несколько минут крики у клетки усилились.

– Кто? Я животное? ... Куда вы меня ведете? ... Вон там животное! Я же человек! Антропос! Это же гордо! Я – человек! – по тембру Яша узнал голос Гриши. По шуму толпы Яша понял, что Грише не слишком поверили...

1974 г.

Наблюдательность

Он специально выбрал это место в углу. Входные двери и блондинка на втором сидении полностью просматривались. Он скромно похвалил себя за это...

Вслед за ним в автобус впрыгнул мужчина с красным лицом и чемоданчиком.

«Нет, не он. Рубашка свежая, лицо – наоборот: банится в рабочее время».

Автобус проехал и остановился. Ввалился парень не обросший, но с наглыми глазами.

«Нет, не похож. Наверное, водопроводчик».

На следующей остановке вошла девушка с длинными волосами, ногами и ресницами, в бодреньком мини.

«Ну что ж, пусть оштрафует. Будет повод познакомиться».

Следующая остановка была его. Он победно осмотрел салон. Контролер так и не появился.

1975 г.

Если бы не ГТО

Тогда в электричке я почему-то заснул. Не помню, почему. Помню, что проснулся от того, что кто-то ощупывал мне ногу ниже колени. Я приоткрыл глаз. Какая-то симпатичная старушка убрала руку и, довольная, сказал своей соседке, тоже милой старушечки:

– Вот, вот, у моего Гриши такие же кривые были. И что ты думаешь – выпрямили. Никогда бы не поверила...

– Ну?.. Да... Медицина – великое дело...

– Нечего медицину хвалить, – нетрезво крякнул кто-то сзади меня. – Вон я, больной. И не могу никак излечиться. А у меня вот здесь так болит, так болит.

– Где? – старушки заинтересованно приподнялись.

– У-у. Это еще что... У меня вот, – в конце вагона кто-то стал задирает рубаху. Старушки удивленно качали головой: «Вот ведь какие дела случаются».

Вагон загудел. Тема для разговора была явно удачной...

В другом конце вагона тонкими голосами запищали диабетики. Нашлись ревматики и почечники. В середине вагона солидно забасили сердечники. К ним все подсаживались, да подсаживались новые. В тамбуре какой-то шизик махал пиджаком, созывая своих.

Старушки вопросительно посмотрели на меня. Я молчал, глубоко сознавая глупость своего положения. Мне было очень неловко. Я сдал все нормы ГТО на серебряный значок и, в принципе, был полон сил и энергии. И, конечно, вставленная еще летом в зуб пломба не могла служить мне достаточным оправданием. Что оставалось делать? Я покраснел, встал и, понуро опустив голову, вышел из вагона. В тамбур.

1976 г.

Моцарт ... с прицепом

– Знаешь, когда я думаю о Моцарте, то не перестаю восхищаться его неистощимым оптимизмом, – сказал мне доверительно Котелков. – У меня всегда всплывает это его стремительное престо из третьей симфонии. Там-там-там-там...

– Да, да, Моцарт... После него меня почему-то тянет к Скрябину, к его потрясающим философским раздумьям, к его новаторству. Я открыл в нем совершенно новый для себя мир. Его могучие музыкальные образы я, наверное, запечатлел в своей памяти навечно.

Котелков мягко улыбнулся:

– Для тебя Скрябин как для меня Бах... Да, да, великий Иоганн-Себастьян. До сих пор помню, как впервые слушал его поразительные органнe вещи. Кажется, они захватывают тебя всего. И становится как-то светло...

Я осторожно посмотрел на часы.

– Что-то Кошкина нет.

– Ты же знаешь, какая сейчас очередь. Без десяти семь.

– Хотя. Вот он идет. Кажется, взял.

– Нормально. Сырки у меня, – сказал Котелков, и мы гуськом побежали под грибки детского садика.

– Эх, не опоздать бы сегодня на концерт Рахманинова, – сказал я на ходу, с трудом преодолевая невысокую ограду и кусты возле нее...

1977 г.

Дурак

Вот уж кого не люблю, так это Никифорова. Как только встретится где со мной, так и начинает:

– Дурак ты, Поливинилов, – говорит. – Ты посмотри на себя. Где ты покупал такой дурацкий костюм? Ты же в нем, извини за прямоту, на мешок похож.

– В магазине покупал, – говорю. – Там такие и сейчас висят.

– Ты что, джинсовый костюмчик достать не можешь, чтобы плотненько облегал фигуру, подчеркивал спортивность, элегантность.

– Так ведь купил бы. Я в магазин каждый день забегаяю.

– Вот и говорю тебе, дурак ты, Поливинилов. Думаешь, раз магазин, так и должно все на прилавках лежать. А кроме магазина и покупать негде?

– Да, так и думаю. Магазин для этого и предназначен. Чтобы удовлетворять спрос покупателя. Мой спрос.

– Это только для тебя все ясно. Потому, что дураку закон не писан.

– А, может, – говорю, – это тебе закон не писан.

– Может, и мне, – говорит и похлопывает ладошкой по своим джинсам. – А только у меня джинсы есть, а у тебя нет.

– Ну, и подавись ты своими джинсами, – говорю. – Мне и в костюме хорошо.

– Так ведь на мешок похож.

– Тот, кто выпускал этот костюм, тот знает, на кого я похож. Что же ты хочешь сказать, что они мне плохого желали?

– Может и не желали, а на мешок ты похож.

– Ну и что? – чувствую, обезоруживаю я его эти вопросом.

– Смотри, твое дело, – Никифоров спокойно пожимает плечами. – Только это еще одно подтверждение, что ты – дурак.

После этого мы расстаемся. И я опять иду в магазин с тайной надеждой, что уж сегодня точно перестану слыть среди своих товарищей дураком. 1977 г.

Дрова

– Промашку дали, – огорченно сообщил нам Котелков, когда мы остановились на живописной лесной полянке у реки и поставили палатку. – Дров-то никто не позаботился взять. Поливинилов, ты был ответственным за дрова?

– Тащить дрова за тридцать километров? Или мне больше нечего положить в рюкзак? Смотри, что в рюкзаке, – я показал Котелкову с десяток пол-литровых флакончиков с золотистыми головками. – Все, что положено для турпохода.

– А как же дрова?

– Дрова? ... Да что ты в самом деле? Лес рядом ... Мало тебе дров?

К нам подошел Ершов и достал из кармана какую-то открытку.

– Вот, смотри, – сказал он мне, – что может остаться от леса, когда люди думают, что в нем полно дров... Специально в поход взял.

И протянул открытку мне. На открытке была изображена потрескавшаяся от жары земля, чем-то напоминающая марсианский пейзаж.

К нам подошла Лидочка-машинистка.

– У нас будет костер? – спросила она своим нежным голосом, от которого у меня каждый раз начинало частить сердце.

– Нет, Лидочка, по причине халатности вот этого человека, – сказал Котелков и указал на меня, – придется сегодня обойтись без огня.

– Не вешайте носа, – не унывал умный Ершов. – Например, я люблю кисель есть сухим.

Но ему не ответили.

Метрах в двадцати от нас расположилась еще одна группа туристов. У меня было кисло на душе, но я все же сумел рассмотреть их.

– Наши субподрядчики, – вяло кивнул я в их сторону.

– С костром, – ехидно заметил Котелков.

Действительно, возле палатки у них плясал веселый огонек костра. А из леса все выходили и выходили мужики с топорами и охапками свежесрубленной древесины.

Мы сидели в темноте и молчали, пока к нам не подошел кто-то из соседей.

– Что же это вы без костра? – спросил он нас удивленно.

– Да вот, дров нету, – ответил ему умный Ершов и полез в карман за открыткой.

Здесь я решил взять инициативу в свои руки.

– Топор забыли дома, вот и сидим, – я просто улыбнулся.

– Тоже мне туристы. Пойдем, дам. Да и вообще можете дров у нас взять. Видишь, сколько нарубили – за неделю не сжечь.

Я вскочил и пошел вслед за ним. Через двадцать минут мы сидели, тесно прижавшись друг к другу, вокруг своего костра и не спеша говорили о сохранении окружающей среды. Ершов то и дело доставал свою открытку, пытаясь убедить нас наглядно. Мы соглашались с ним и, не отрываясь от огня, любовались своим костром.

1978 г.

Слово к непьющим

Не понимаю я непьющих. Вроде, неглупые люди, а не осознают простых вещей. Носятся со своей здоровой печенью на всех перекрестках. Пройти спокойно нельзя.

Я ведь как думаю. Любой непьющий человек – это же трагедия личности. Я совершенно серьезно. Смотрите сами. Разве могут быть у непьющего человека настоящие друзья. Которые пошли бы за тебя в огонь и воду. Которые тебя, действительно, уважали бы. Сомневаюсь я в наличии таких друзей.

Непьющий человек – одинок. Это у него на лбу написано. Все-то он понимает, все-то он делает правильно, а вот друзей нет. И все тут. Потому все они такие желчные и уязвимые, эти непьющие. И злые. Это у них – от зависти. Думаете, им не хочется побывать в такой веселой компании, какие у нас собираются, не хочется отдохнуть со всеми вместе за одним столом. Конечно, хочется, но не могут: или боятся, или еще чего. Оттого и завидуют. Оттого и строят нам всякие препятствия. Всю прессу, телевидение, радио против нас настроили.

Я их давно раскусил. Этих, со здоровой печенью. Сказать честно, жалко мне их. Мечутся, суетятся, планы выполняют, выговоры получают. Жизнь у них однообразная, что дальше некуда. Ну, что непьющему человеку можно будет вспомнить в жизни. Аванс, зарплата, аванс, зарплата, первый ребенок. Скучно все это. Да и бледно как-то. А ты выпей, да в витрину камнем, чтоб не отражала тебя в дурном свете. Как забегают сразу все вокруг. Сразу уважать начнут, а то ведь проходят мимо, словно не замечают. Пусть чувствуют, каков ты есть человек... Эх, какие воспоминания всплывают. Часами рассказывать можно. Под хорошую закуску.

Вот и смотрите теперь, кто из нас живет в духовном богатстве: я или эта ходячая здоровая печень. Я уже не говорю о коммуникабельности. Конечно, бывают и у нас шероховатости. Не без этого. Увлекаются иные сверх меры, сверх дозволенного медициной, на «белого коня» запрыгивают. Так ведь и

таких понять можно. Одержимость в любом деле – это, знаете, еще не у всякого обнаружишь. А здесь все четко видно. Человек как на ладони. С такими жить легче. Знаешь, чем дышит. Неразбавленным «Вермутом».

А эти непьющие? Скрытые до предела, слово лишнее произнести не могут. Мол, такие они порядочные, такие они умные. И семьи у них такие крепкие и дружные. А ведь сплошная показуха все, да ложные чувства...

Вот ответь мне кто из непьющих: любит тебя жена или нет? Заминка получается. Откуда ж знать? Бабе на слово верить – дело пустое. А я вот приду домой, да как возьму свою в оборот, как на духу все скажет, когда немного дурь ей из головы вытрясу... А уходят от нас только те, которые не любят. Так ведь, если нет любви, лучше сразу и разойтись.

...Что? Где подобрали меня? Да, у рынка-то... Уже и помыли. А за фотографию спасибо от души. Пускай эти непьющие смотрят. Они же лопнут от зависти!

1978 г.

Пришелец

Не знаю, приходилось ли вам, дорогие товарищи, быть свидетелями исторических событий, сделавших переворот в сознании человечества. Все-таки такие это события, что на все столетие не больше десятка наберется. Да еще в разных местах планеты.

А вот мне пришлось. И где бы вы думали? Никогда не поверите – в планетарии. Однако расскажу все по порядку.

Сижу, как это и принято в планетарии, с головой, задранной вверх. Темно. Далекий-далекий свет звезд. И такой спокойный мужской голос:

– Загадка существования далеких миров на протяжении всей истории человечества притягивала к себе лучшие умы...

Все как положено. Казалось, ничто не предвещало взрыва. Но здесь показали нам Марс. Если помните по фотографиям, переданным со спутников, – унылая, безжизненная панорама пустыни, отсутствие даже намеков на существование простейших носителей жизни. Спокойный мужской голос, кстати, подтвердил наши предположения:

– Достижения современной науки и техники позволяют сделать заключение: на Марсе жизни нет.

И вдруг раздается хриплый, но довольно внятный и громкий возглас:

– Неправда, есть жизнь на Марсе!

Можете себе представить, что тут началось. Кто-то закричал:

– Немедленно удалите хулиганов!

– Куда смотрит милиция?

Однако через несколько минут снова раздается этот голос:

– Есть жизнь на Марсе!

По произношению слышу, с трудом выговаривает товарищ слова. С каким-то неизвестным мне акцентом. И еще междометия какие-то употребляет. Звуки, слышу, вроде бы наши, а вот слова непонятные. Но так у него это складно выходит.

Тут мы и самого его увидели. Встал он и руками машет. Глаза почти как человеческие. Только такие огромные, выпученные и бессмысленные. Голова деформирована. Вместо волос в разные стороны клочья торчат. Я так и понял – антенны. Одежда точно пришельца. У нас таких образцов не выпускают. Слишком уж смело.

Я ведь сразу смекнул, да как-то побоялся сказать – просто фантастика какая-то! А здесь кто-то возьми и крикни:

– Братцы, это же марсианин! Живой марсианин! Честное слово! Посмотрите!

Что тут смотреть? Мы же не слепые. Видим, что марсианин. Ну, здесь и началось!

– Ура! Свершилось!

– Запомните время! Это важно для истории!

– Да здравствуют межпланетные контакты!

– Теорема Пифагора – ключ к пониманию образа мышления марсиан!

Сразу, как полагается, митинг устроили. Потом все скопом повалили на улицу. С марсианином на руках. Пусть все видят пришельца.

Какой-то скептик все же успел вставить свой пятак:

– Проверьте паспорт у этого “марсианина”. Кажется мне, что это Ванятка Жмакин с нашего завода. У них в цехе вчера получка была.

Хорошо, что этот голос недоверия утонул в гуле всеобщего торжества. Ведь такое событие мог сорвать! На все столетие не больше десятка наберется подобных.

1979 г.

Оборона

– ...Все-таки хорошо выступает сегодня спартаковец Александр Мымриков. Посмотрите, как великолепно исполняет он переднюю подсечку. Операторы дают нам еще одну возможность убедиться в высоком исполнительском мастерстве Александра. Действительно, очень технично и красиво исполнен этот сложный прием... Что и говорить, динамовец Юрий Иванушкин явно неготов к такому повороту событий. Чувствуется, что сегодня он уступает своему сопернику не только в физическом, но и чисто психологическом отношении. А ведь психологический фактор играет в современном спорте огромное значение...

Какой прекрасный захват! Да-а, Мымриков сегодня в ударе. Отличный бросок через бедро. Нет, лопаток, пожалуй, не было. Иванушкин все же нашел в себе силы подняться и после этого приема. Молодец! Зрители награждают динамовца заслуженными аплодисментами. Как ни трудно ему сегодня, он держится до конца, демонстрируя образец высокого спортивного мужества!

Однако атаки Александра Мымрикова не прекращаются ни на секунду. Сегодня у него, кажется, получается все: и впечатляющие броски через спину, и коварные «мельницы», и ловкие разнообразные подножки. Богатый технический арсенал!

Только сейчас вы видели, как Иванушкину снова удалось каким-то чудом вырваться из очередного болевого приема своего соперника и уже открыто, без борьбы, отбежать в сторону. Но и здесь его настигла хлесткая «вертушка». Красивейший прием! Все реже и реже его можно увидеть на таких крупных соревнованиях, как сегодня. Проведение этого приема требует от спортсмена определенной смелости и силы...

А вот и свисток, возвестивший об окончании футбольного матча между командами «Спартак» и «Динамо». Думается, что, несмотря на «сухой» счет, зрители остались довольны сегодняшним футбольным спектаклем. Что же

касается отсутствия голов, то это еще одно доказательство того, что оборона сегодня была сильнее атаки.

1979 г.

Обмен

– Глашка, ну ты просто черт в юбке, – восхищенно сказала Нюра, мечтательным взглядом обводя противоположную стенку комнаты, сплошь заставленную книгами. – И где ты только их достаем?

Глаша стеснительно заулыбалась.

– Да что ты, Нюрк, брось. Ничего особенного. Книги как книги.

– Ты мне не говори. Я же вижу – подобрано со вкусом, – Нюра, не отрывая взгляда от книг, опустила на пышную тахту. – Глаш, так будем меняться? Или как?

– На Бальзака-то?

– Ага, на него.

– Нюрк, ты только не обижайся. Не могу я с Бальзаком расстаться. Понимаешь, не могу, – Глаша нежно провела по корешкам книг. – Он такой, такой... Ты же сама видишь, какой. Сжилась я с ним как-то.

– Видишь, не видишь... Достоевский думаешь хуже? Да ты хоть что-нибудь его видела?! Так солидно, ну так солидно...

– Да сама посуди, Нюрк: ну, куда я без Бальзака? Кто мне его заменит? Карел Чапек? Спектр не тот... Рей Брэдбери? Слишком он яркий, не воспринимаю я его. Разве только Жан-Батист Мольер... Так где его сейчас найдешь?

– Ох, Глашка, Глашка, погоришь ты когда-нибудь со своим тонким вкусом.

– Нюр, ты только правильно пойми. Бальзак у меня, поди, уже не первый год, а все одно как впервой вижу.

– Глаш, к Достоевскому Чехова дам! – Нюрка подскочила к Глаше и молитвенно сложила руки.

– Что мне с тобой делать, горемычная, – Глаша понимающе улыbnулась. – Фанатка ты, точь-в-точь как я... Ладно, дай подумать...

Глаша медленно прошлась по комнате, затем вышла в кухню. Через несколько минут вернулась оттуда со складным метром в руках.

– Сколько Чехова дашь?

– Все, что имею: девять томов...

Глаша что-то прикинула на бумажке, затем подняла голову и улыбнулась.

– Уговорила... Сергей в кухне стенку отодвигать будет. Вот Чехов и войдет в самый раз. Между холодильником и плитой.

– А мы-то, мы-то с Колей, – закричала обрадованная Нюрка, вытаскивая томики Бальзака, – телевизор цветной на беду свою взяли. С Достоевским поставили, хоть умри, не посмотрится ни в какую. Слишком уж мрачное его последнее издание... Бальзак – другое дело...

Нюра провела рукавом по запыхавшемуся корешку одной из книг.

– Глянь, так и отливает бордо.

– Ох, Нюрка, отрываешь ты его у меня от сердца и от серванта... Да, ладно. Спрошу у наших Мольера. Говорят, такой же вишневый. В спокойных полутонах. Последнее издание.

– Глашенька, не волнуйся, Достоевский и Чехов не хуже... Классики, – Нюра с книгами в руках быстро побежала к двери.

– Ладно, ладно, неси своих классиков. Посмотрим, что они из себя стоят, – глядя вслед подруге, сказала Глаша. Затем закрыла дверь и тихо вздохнула:

– Фанатка!

1979 г.

На стадион!

– Алло!... Минька, ты?... Ну, готов?... Как это к чему? Сегодня же футбол. Ты что, забыл?!... Ну, брат, не ожидал. Я уже думал откорректировать наши дальнейшие действия с учетом футбольной специфики, а ты даже не в курсе дел. Ладно. Ты еще можешь наверстать упущенное, время есть... Первое. Сообщаю информацию о себе. Беру три единицы товара. Чего? ... Как обычно... Не кричи так, Клава услышит. Больше ничего не было... И ничего не гадость... Забыл, когда с киевлянами играли, как шло? У-ух! ... Даже смягчило горечь от поражения. Сегодня может повториться тоже самое. «Спартак» может солидно врезать. Потому и беру столько... На стадионе, думаю, будем как обычно – стопариками. Один – если нам забьют, два – если мы... Да, да, результативность сейчас у нападающих – ни к черту. Мало забивают. До обидного мало. Эх, попасть бы сейчас на хоккей!

Минька, так долго продолжаться не может! Знаешь, у меня сегодня предчувствие. Должна прорезаться игра. У нас, говорят, новый правый крайний. Входит в штрафную площадку, как нож в масло. Он нам может сегодня солидно помочь. Только боюсь, вдруг не хватит. Минька, чтоб до семи успел. Надо быть во всеоружии. Чтоб никаких сюрпризов... Забыл, как с «Торпедо» было? Не познакомились с составом заранее, вот и попали впросак. На два гола не хватило... Значит, с этим решили... Не кричи, под пиджак засунешь. На этом останавливаться не будем.

Второе. Надо что-то для запаха... Нет, лук лучше не брать. Соседи будут плакать, даже если выиграем. Надо что-то попроще. Мы должны думать об окружающих. Что-нибудь такое... Итальянцам легче, у них креветок полно. Компактно и питательно... Ладно, лук так лук... Минька, и все-таки беспокоюсь я. А вдруг мало будет? Я – три и ты – пару. Ничего не много. Минь, возьми три. А? «Спартак» – команда результативная.

Алло, Минька, сеанс временно прекращаю. Подходит Клава...
Перезвоню! ... Чтоб до семи успел! ... Встретимся на стадионе! 1979 г.

Ковер

Давали ковры. Полдня Макушкин толкался в общей очереди, пока кто-то громким голосом не объявил:

– Все, ребята, больше можете не стоять. Ковры все проданы. Ждите конца следующего месяца. С базы обещали дать пару десятков.

Толпа неодобрительно зашумела, забурлила, задвигалась, но дальше этого дело не пошло. Ковров больше, действительно, не было. И против этой объективной реальности трудно было возразить тоже что-то объективное. Вот почему Макушкин долго и с большим неудовлетворением смотрел на счастливых обладателей ковров, которые оперативно разбежались по сторонам, ввалив радующую сердце и глаз тяжесть на плечи, голову, руки и другие грузоподъемные части тела.

– Вот те на! Рабочий день протолкался, а толку? – размышлял Макушкин, уже собираясь уходить из магазина.

– Эй, друг, – крикнул вдруг кто-то сзади, и Макушкин увидел вспотевшего мужика, тянувшего у себя на плечах здоровенный ковер.

«Счастливчик, – мелькнуло в голове Макушкина. – И как это людям так везет. Вот он взял, а я нет».

– Слушай, друг, – сказал мужик и, с трудом прислонив ковер к стенке, облегченно вздохнул. – Ты в очереди стоял?

– Стоял, да только ничего не выстоял.

– Во-во, а я выстоял, – радостно объявил мужик и похлопал ковер, словно своего старого приятеля. – Так, слушай, может возьмешь у меня?

– Это как?

– А вот так! Покупай у меня ковер.

– Понятно. Спекулировать решил? – едко ухмыльнулся Макушкин. – Только зря стараться.

– Бог с тобой, зачем так говорить? С женой только что разговаривал по телефону. Не нужен нам, оказывается, такой ковер. А цена – государственная.

– Это как: не нужен? А зачем ты в очереди сегодня торчал? Может, не было бы тебя, так я бы взял. Некрасиво поступаешь, братишка. Некрасиво.

– Я же и говорю. Покупай ковер. Жена будет другой искать. Лучше этого.

– Ага. Значит, дерьмо решил мне сплавить, а себе ковер лучше взять.

Хитер!

– Сам же говоришь, что в очереди стоял...

– Стоял! Я от своих слов не отказываюсь. А только у тебя брать не буду!

Ишь, нашел дурака. Думаешь отыграться? Не получится. Я не взял ковра, но и ты через меня от него не отделаешься. Так оно справедливее будет.

Мужик оторопело посмотрел на Макушкина.

– Ты в очереди стоял?

– Стоял!

– Тебе ковер нужен?

– Нужен!

– Ты будешь его у меня брать?

– Нет!

– Тогда привет!

– Всего, – кивнул в ответ Макушкин и иронично заметил. – И не думай, что мир состоит из одних дураков. Это мой тебе совет.

Но мужик его уже не слушал. К нему подбежали еще два неудачника сегодняшней распродажи и стали выхватывать ковер из рук друг друга.

С видом победителя Макушкин вышел из магазина. Он чувствовал себя Человеком.

1979 г.

Цветы

– Купите цветы?

– Зачем?

– Они принесут вам счастье. Посмотрите, какие это цветы. Они станут символом вашей любви.

– Интересно. Сколько они стоят?

– Три рубля. Берите.

– Секунду. Всего за три рубля я могу стать обладателем символа своего счастья.

– Зачем говорить? Не лучше ли сделать это?

– Я размышляю. Насколько мне это выгодно?

– Разве можно думать о выгоде, когда по-настоящему любишь?

– Не только можно, но и нужно. «С милым рай в шалаше» – это, извините, несерьезно.

– Вот как?

– Да.

– Тогда простите, я этого не знала. Эти цветы вам ни к чему.

– Как это ни к чему? Что, я хуже других?

– Выходит, хуже.

– Слушайте, давайте сюда ваши цветы и морочьте голову другим своими дурацкими разговорами.

– Я ошиблась в вас. Я больше не продаю цветы.

– Как это – не продаю? А кто две минуты назад называл мне цену?

– Вам послышалось.

– Я вам серьезно говорю – продайте цветы. Вот деньги.

– Я вам серьезно отвечаю, это невозможно. Эти цветы – символ счастья искренне любящего человека, а не подлеца.

– Я – не подлец. Я – инженер.

– Это не имеет значения.

- Вы забываете, что вы не прокурор, а только продаете цветы.
- Считайте, что я – прокурор вашей совести.
- Много на себя берете, прокурор... Продадите цветы или нет?
- Нет.
- Я напишу жалобу. Вы позорите честь работника торговли своей философией.
- А чью честь позорите вы?
- Дайте жалобную книгу.
- Берите.
- Хамка. Я тебе покажу, как не отпускать простому покупателю товар.
- Вы не имеете права покупать такие товары.
- На себя смотри больше. Научили на свою голову. Грамотные все...

1979 г.

Роль

Он понял: ему уже не уйти. Всадники окружали его с трех сторон. С четвертой – подступала почти отвесная скала, без единой расщелинки, гладкая, как поверхность лесного озера. И все-таки он бежал к этой каменной ограде, преодолевая все на пути: колючий кустарник, грязные лужи, падая, спотыкаясь, раздирая в кровь пальцы, сбивая колени, сдирая с себя одежду, которая мешала ему дышать, двигаться, бежать, быть легким, чтобы взлететь и умчаться за горы от этой неотвратимо подступавшей смертельной схватки.

От быстрого бега и разряженного горного воздуха у него начались дыхательные спазмы, и он почувствовал, как медленно тяжелеет тело, становится огромным и непослушным. Острая боль пронзила легкие, и он упал...

– Он нам многое должен сказать, – злорадно усмехнулся атаман всадников, когда его подняли и окатили водой. – Ты ведь нам все расскажешь, правда? Можете приступать...

Последние слова атамана касались двух молодых ребят, которые старательно поддерживали его под руки. Честно говоря, он даже симпатизировал им. Но вдруг почувствовал точный удар ребром ладони по шее.

«Наверняка бьют», – испуганно отметил он про себя и ощутил острый тычок в печень. Только сейчас ему стало понятно, что его били все те же два молодца, которым еще секунду назад он симпатизировал. Удары сыпались один за другим...

Он не на шутку испугался и, судорожно хватая ртом воздух, крикнул с отчаянием:

– Братцы, за что? Своих!?

Сильный удар сапогом в зубы отбросил его сознание довольно далеко от всего происходящего.

– Убьете ведь, – только и успел прошептать он, погружаясь в розовый туман бесчувствия и отрешенности...

– Молодец! – услышал он и почувствовал, как кто-то треплет его за щеки.
– Сейчас ты как никогда был близок к жизненной правде. Только зачем так кричать? Тем более совсем не по сценарию. Ты что, роль забыл?

Он открыл глаза и увидел возбужденное лицо режиссера.

– Ну, вот и хорошо, что очнулся, – сказал тот, делая ему искусственное дыхание. – Через пять минут еще один дубль.

Повернувшись к съемочной группе, режиссер крикнул:

– Всем приготовиться... Уведите всадников из кадра.

Затем снова наклонился к нему.

– Ну, ну, вставай. Нельзя терять времени. У тебя сегодня вдохновение. Чувствуешь? Я, например, чувствую...

У него не хватило сил сказать «спасибо».

1980 г.

История одного преступления

Вдоль глухого дощатого забора скользнули две тени. Осторожно подкрались к небольшому серому дому с огромным замком на двери и аккуратными ставнями на окнах. Профессионально оценив обстановку, один из злоумышленников произнес:

– Кажется, все в порядке.

Другой торопливо достал спички, стал чиркать ими о коробок. Спички не зажигались.

– Что ты там возишься? – нетерпеливо спросил первый.

– Спички какие-то дурацкие попались – не хотят зажигаться.

– Где покупал?

– Где, где... В магазине...

– Возьми и не мучайся, – сказал первый злоумышленник и протянул электрический фонарик. – Свети на замок.

Второй злоумышленник осторожно нажал кнопку фонаря. Первый же вытащил перочинный ножик и просунул его лезвие в замочную скважину. Послышался легкий треск – и в руках злоумышленника осталась только рукоятка ножа.

– Где покупал? – ехидно спросил второй и протянул набор отмычек. – Возьми, к этому замку – третий номер. Теперь мы квиты.

Первый злоумышленник вставил отмычку с указанным номером в замок и попытался повернуть. Но героические усилия человеческих мускулов были тщетны.

– Где они достали такой замок? – безнадежным голосом произнес первый и бессильно опустил руки. – Интересно, как они его открывают?

– Вот это номер! – отозвался второй, заметив, как свет фонарика стал постепенно слабеть. – Ты когда батарейки ставил?

– Дня два назад, – ответил первый, и в его глазах мелькнул первобытный страх. В ужасе он распрямился и сделал два шага назад.

– Бежим! Мы в ловушке. Ты разве не видишь? – прошептал он и метнулся назад к забору.

– Бежим, – эхом отозвался второй злоумышленник и, подумав, добавил. – А, может, рановато. Может, спокойно снимем ставни. Провода сигнализации тоже, наверное, брали там, где и замок.

– Лучше первосортная синица в руках, чем журавль с поломанными крыльями, – усмехнувшись, ответил первый и побежал дальше.

Преступление не состоялось. Спасибо всем, кто помог его предотвратить.

1980 г.

Как сократили Ивана-царевича

Случилось так, что в новом издании русских народных сказок забыли про Ивана-царевича. Сократили, так сказать, по штату. Вместо планируемого Змея-горыныча. Спихнулись сказочные герои, когда книга была уже на полпути к магазинным прилавкам. Пришлось им собраться на летучку и подумать, кем бы это заменить одного из главных героев.

– Необходим умный человек. Вон, скольких ему обхитрить надо, – первой высказалась лисица-сестрица.

– И по возможности сильный, – добавил Илья Муромец, растирая больные ноги. – Одним умом Змея не одолеть. По себе знаю.

– Не забудьте про красоту и молодость, – немного стесняясь и краснея, припомнила Василиса Прекрасная. – Мужем он мне был.

– Где сейчас такого найдешь, – пробурчал Кашей Бессмертный, председательствовавший на летучке.

– Есть у меня один на примете, – подал голос откуда-то из-за печки домовый. – У нас в доме живет. Современный. Образованный. Инженер. Молодой специалист. Сказки у него на работе – любимый жанр. Здоровый как бык. Ему бы камни таскать, а он бумаги на столе перекладывает. Про красоту и говорить нечего. Одни джинсы чего стоят, а батник...

За неимением иных кандидатур решили попробовать предложенную. Взять с испытательным сроком.

– Как его уговорить? – подумала вслух Василиса Прекрасная.

– А это уж твое дело, милая, – сказала Баба Яга. – Ты только больно не ломайся. Знаешь, эти молодые... Чуть, что не так, сразу на сторону смотрят. Катастрофический процент разводов.

– Вам меня учить, бабушка? – недовольно передернула плечиками Василисушка и чмокнула губками.

Ох, и мастерица же Василиска. Иванушку сократили, а на нее посмотришь – глаз не отвести. Хороша!

Словом, обкрутила она и новенького. Сыграли свадьбу. Все как положено. С питием, что по усам текло, да в рот не попало. Вот так и началась у Ивана-царевича новая жизнь.

Встал он утром и крикнул:

– А подать мне письменный стол. Прием – по средам и пятницам. Остальные дни – на объектах.

Прошел день, неделя, месяц. А Иванушка, знай себе, за столом сидит, да бумаги разные строчит. Заволновались здесь положительные сказочные герои. Как же так, Змей полгосударства переел, а Иванушка и беды не чует. Требуется письменного заявления об убытках, о нанесенном ущербе. Да рассылает бумажки то в «Заготскот», то в общество охотников и рыболовов, а сам ведь палец о палец не ударит.

Подумали, погоревали положительные герои и все взоры обратили на Василисушку.

– На тебя надежда, круглолицая. Может, словом ласковым да верностью супружеской упросишь Иванушку-то палец о палец ударить, до со Змеем в бою честном встретиться.

Уж, как она ему только не потакала. И медку подносила, и кудри его гладила, и слова любезные говорила. Даже по книжкам индийским любовь свою ему дарила. А Иванушка всем попользовался, а потом и говорит:

– Зря стараешься, Василисушка. За слова хорошие, да за ласку разнообразную – спасибо тебе от чистого сердца. Да только к Змею я не выйду, – молодой, да не дурной был Иванушка человек. Своим умом смекнул, что логарифмической линейкой Змею головы не перешибешь. – Пойми меня правильно. Временный я у вас. На стажировку меня взяли. Да и образования нет по такому ремеслу... Ты за меня не беспокойся, любая. Я сумею доказать Змею-горынычу абсурдность такого поступка, как съесть меня живым. А если будет момент, так я и за тебя попрошу. Ты не думай, что я только о себе пекусь, но и...

Умный был стажер парень, хотя и временный. Только до конца слов своих сказать не успел. Змей Трехглавый, оказывается, прямо уже к их покоям подобрался, да так и слямзил Иванушку тепленького, из постели. Василисушку пожалел. Очень уж хороша собою. А Иванушку слямзил.

...Говорят, тираж тех сказок вернули обратно. Оказалось, никак нельзя без настоящего Ивана-царевича, бывшего дурака.

1980 г.

Кто выносит сор из избы?

(Сказка)

Вещи любят спорить между собой. Конечно, в то время, когда их никто не может услышать. О чем они спорят? Чаще всего, как и люди, ни о чем: о мелочах жизни. Но иногда от них можно услышать довольно интересные вещи...

Было уже совсем темно. Сквозь резной морозный узор окна пробивался далекий блеск звезд. Он преломлялся в каждом узоре, рассыпался на миллионы светящихся иголочек и покрывал все вещи в комнате какими-то фантастическими, таинственными бликами.

Метла очнулась первой.

– Как все-таки здорово! – она мечтательно посмотрела в окно. – Давно я не видела такого удивительного света.

Рядом с нею послышался насмешливый, металлический голосок. Это был совок.

– А кто тебе мешал? Смотри себе сколько угодно. Сейчас такое можно увидеть каждый вечер.

– Кто мешал? Не было времени. Столько работы. После нее так хочется отдохнуть. Попробуй вымести за день весь сор из избы. Да вам и не снилось никогда столько работы.

– Ха-ха, мне? – совок опять зазвенел своей сталью. – Можно подумать, что это ты выносишь сор и только благодаря тебе здесь так чисто.

– А разве не так?

– Конечно же, нет.

Понемногу очнулись остальные вещи. Спор явно заинтересовал всех.

– Твоя работа не стоила бы и ломаного гроша без меня. Весь сор из избы выношу я – совок. Твоя функция, так сказать, чисто обслуживающего характера. Ты сама это прекрасно понимаешь.

Кажется, метла немного обиделась. В силу ряда причин она считала себя важной персоной, как, впрочем, и свою работу. И вдруг кто-то пытается доказать совершенно обратное.

– Какой глупый спор, – недовольно проговорил кто-то сухим, усталым голосом. Трудно различить в темноте, кто это сказал, но, кажется, это была половая тряпка. Она уже давно высохла, и сладкая истома тепла медленно растекалась по ее матерчатому телу.

– Глупо спорить, когда ни один из вас не знает настоящей правды. Кто выносит сор из избы? Хотелось бы мне посмотреть, что здесь было, если бы не было меня?

Самолюбивый совок редко получал подобные оплеухи, да и метла была слишком горда, чтобы сносить оскорбления дважды.

– Вот ведь облезлая дура, – как часто бывает в подобных ситуациях, спорящие стороны не слишком выбирали выражения. – Думаешь, мы не видим, как ты каждый день обнимаешься со шваброй.

Метла знала многое и могла в ссоре поделиться кое-какой информацией. За это ее все опасались.

– Послушайте, здесь, кажется, вспомнили обо мне, – до швабры, несмотря на ее деревянную структуру, кажется, стал доходить смысл сказанных слов. Спор разгорался.

И только ведро, может быть, более остальных причастное к предмету спора, оставалось молчаливым. У него не было никакой возможности что-то сказать. Из-за накопившегося мусора его почти не было видно. Да и стоило ли говорить? Это только подлило бы масла в огонь. А огонь от этого, как известно, стал бы только ярче.

И ведро молчало, в глубине души сознавая, что истина все-таки на его стороне.

1980 г.

На отдых!

Едва высочив из автобуса, осторожный Котелков вдруг резко взвалил рюкзак на плечи и бодро крикнул нам:

– Ну, что, мужики и ребята, можно идти!

В знак одобрения мы подбросили вверх энергичного Кошкина – инициатора этой вылазки на природу. И выступили в поход.

Хорошее дело – лес. Вот все говорят – успокаивает. Вранье. Лес будоражит. Лес волнует наше воображение своей первозданной красотой.

– Что ты, Поливинилов, рот открыл, – сказал мне умный Ершов, как-то хитро сощурившись.

– Вот, думаю, сколько лет прожил, а не обращал внимания на такую красоту.

– Это ты многое потерял... Погоди, то ли еще будет, когда палаточку поставим, костерчик разведем, ушицу устроим.

К вечеру мы нашли изумительную полянку. Река, трава, закат, Лидочка-машинистка. Все рядом, только вытяни руку. Сижу я на каком-то старом пне, смотрю на все это и шалею от счастья.

– Что расселся? – подходит энергичный Кошкин. – Дров нету... Бери топор. Кубометра полтора – по-быстрому. Слишком крупные не руби. Не потянешь...

Взмахнул я топор за плечи и в лес. Вот уж, думаю, Лидка уху сварит. И так хорошо мне от этой мысли.

Нарубил я им дров. Делянку десять на десять – под корешок. В семь заходов все перетащил. Немного вспотел, зато Лидочка мотыльком ночным у огня прыгает. И я ей улыбаюсь. Хорошо!

Здесь снова мужики подходят.

– Молоток, Поливинилов, – говорят. – А сейчас бери сети. У излучины косяк стоит Ушица будет – умрешь.

Ну, мы и пошли. Я с Кошкиным – впереди, Ершов с Котелковым – сзади. Потеею, но иду. Дает знать о себе отсутствие общефизической подготовки и полтора кубометра срубленной древесины. Но иду.

Косяк мы по неопытности, наверное, спугнули. Часа два болтались на мелководье. Пока не обнаружили под одним из затопленных пней подпольную трубу для сточных вод местного заводика вторичной химической переработки. Загрустили мы, но потом успокоились. Заводу тоже надо давать показатели. А отдыхать можно где-нибудь и в другом месте.

– Ничего, через полчаса утки пойдут, – заговорщически сказал мне Кошкин, когда мы уже вернулись к костру. Лидочка, румяная и разомлевшая, сидит у огня и смотрит на меня. А мужики опять хлопают меня по плечу. Дают ружье. И снова тянут куда-то в лес.

Я беспомощно оглядываюсь на это воплощение нежности и даю увлечь себя за утками, которых здесь давно нет. По причине отсутствия леса, который я вырубил. Деляночку – десять на десять.

1980 г.

Третьим будете?

Решил вчера вечером крепко: «Хватит! Не пью! Завязал!»

Так что встал сегодня утром с твердым намерением перековаться. Умылся. Почистил зубы. Надел новый костюм. Полил голову одеколоном. Причесался. Чувствую, получается. Дай, думаю, тогда сбегаю в магазин за продуктами, чтобы жена после работы руки сумками не отрывала. Побежал.

Стою в очереди за молоком и наслаждаюсь. Хорошо ведь жить! Радостно! Тут подходит ко мне сзади какой-то человек. Честно говоря, я его и рассмотреть толком не смог.

– Третьим будете?

Как ударил он меня чем-то твердым. Вот она, чувствую, проверка воли. Оборачиваюсь к незнакомцу и измеряю тяжелым взглядом. Наверное, понял он меня.

– Ага. Значит, я за вами, – говорит и успокаивается.

Выхожу я из магазина и скорей в поликлинику: надо же успеть еще талончик жене на прием к врачу взять. Подбегаю к окошку регистратуры и спокойно говорю:

– К терапевту, пожалуйста!

– Третьим будете! – говорит мне такая полная женщина в халате и протягивает талончик.

– Это что, – возмущаюсь, – обязательное условие у вас? Ну и порядочки завели. Медицина называется!

– Вы о чем? – говорит женщина и широко раскрывает глаза.

– А все о том же, – громко отвечаю я. – Завязал я, поняла?

Вижу, шокировало ее мое заявление. Но от талончика я все же отказался. Самолюбие заело. Даже молоко оставил. Сел в автобус – и на работу.

На работу пришел от злости зеленый. Сел за стол. Раскрыл бумаги. Начал работать. Краем глаза замечаю: входит начальник нашего отдела товарищ Лепестков. Посмотрел внимательно на меня и говорит:

– Вижу, вы, Поливинилы, начали новую жизнь. На человека стали похожи. Это хорошо. Чувствуется, есть у вас характер и воля. А вы всего лишь инженер отдела. Мне такие заместители вот как нужны. Пошли бы третьим?

Плохо мне здесь стало. Голова так и пошла кругом. Вышел я на свежий воздух словно пьяный, а ведь и капельки в рот не брал. Прислонился к стене. Думаю, отдышусь. Хватаю воздух ртом. А ко мне два мужика с красными лицами подходят. Полопали по плечу и говорят:

– Корешок, без всего, будешь третьим? А то ведь на двоих неувязка выходит.

– Буду, – честно ответил я.

– Молоток! Давай рубль, – сказали мужики и сняли груз с моей души.

– ...Такие дела, товарищ лейтенант! Целая история. Жаль только жена не поверит.

1980 г.

Потерянный человек

Проход Сиднев, каменщик четвертого разряда, лежал в своей постели с широко раскрытыми глазами. На дворе стояла глубокая тихая ночь. И только легкое посапывание Анны, жены вышеуказанного товарища, вносило в ночную тишину признаки присутствия живого человека.

Проход, почти не мигая, смотрел куда-то вверх. О чем он мог думать в такую неподходящую пору? Собственно, именно этот вопрос и подтолкнул Анну очнуться от сладкого сновидения и уставиться на реального, бодрствующего мужа.

– Ты заболел? – Анна провела теплыми пальцами по холодному лбу мужа. – Температуры вроде нету.

Проход на секунду опустил свой возвышенный взгляд на землю. Конкретно: на проснувшуюся жену. И сказал:

– Температуры не будет... Душа у меня болит...

– Чего бы это ей ночью болеть? Иль ей дня мало?

– Что ты, баба, можешь понять в высоких стремлениях человеческого духа. А болит потому, что потерянный я человек.

– Это как?

– А вот так! Что живу, что нет меня. Ничего ведь не изменится. Все идет своим чередом. Каждый уткнулся в собственную миску. А что ты есть, Проход Сиднев, никому ведь и дела нет. На работу не выйдешь, никто и не заметит. Зарплату все равно получу. Десяткой больше, десяткой меньше. Потерялся я как-то в этой жизни. А другой, черт бы ее побрал, уже не будет.

– Вот оно чего! А я-то думала, заболел, – облегченно вздохнула Анна, переворачиваясь на другой бок. – А у него, оказывается, совесть заговорила. Где же она была, когда ты аванс пропивал? ... Не беспокойся, когда надо, о тебе вспомнят...

– Кто? – слабым голосом спросил Проход.

– Приходили уже сегодня по твою душу. Самсон с Ваняткой. Так я их веником. Нашли товарища – женатого человека...

– Друзья приходили, – как-то очень тепло прошептал Прохор. – Друзья не забудут. А я-то, глупый, сегодня весь аванс ухнул, а их и не пригласил. Друзья ведь и забыть могут. Или подумать плохо.

– Какие они тебе друзья? Алкоголики они. Жена тебе друг, – уже засыпая, призналась вдруг Анна. – А ты о ней только ночью и вспоминаешь.

– Э-э, нет. Они-то знают, что живет на свете такой человек – Прохор Сиднев. Потому и пришли к нему. А жена? Жена – баба. Какой из нее друг?

Прохор представил себе болезненно красные физиономии Самсона и Ванятки. «Наверное, рубля не хватало, потому и приходили. Эх, друзья не забудут. Выходит, не такой уж я и потерянный», – подумал Прохор. И от этой мысли ему стало так тепло и уютно, что он медленно закрыл глаза и уснул.

1980 г.

Гипотеза

– Вот скажите мне кто-нибудь – почему люди так пьют? Знают, что плохо, что вредно, а пьют, – сказал Ершов и запальчиво посмотрел на нас с Кошкиным.

Мы недоуменно пожали плечами.

– Кто его знает, – ответил Кошкин задумчиво.

– А, по-моему, человек так устроен, что не пить не может, – высказал я свое предположение. – Организму ведь всегда хочется того, что ему не хватает. Вот возьмите соль. Казалось бы, ничего вкусного, а употребляем. Организм требует.

– Нет, – убежденно возразил Ершов. – Дело совсем не в этом. Я, например, классифицирую так. Во-первых, личная расхлябанность. Человек, который пьет, не имеет сильного характера. Короче говоря, безвольный.

– Загнул, – улыбнулся Кошкин. – Это ты хватил через край – безвольный.

– Во-вторых, – продолжил Ершов, – слабая постановка антиалкогольной пропаганды. Мало мы все же уделяем внимания этой проблеме в печати, на радио, телевидении.

– Точно, – сказали мы с Кошкиным. – В точку бьешь.

– И, в третьих, влияние факторов окружающей среды: праздники, свадьбы, рождение младенцев, проводы в армию, собственные дни рождения, покупка хороших и дорогих вещей, проводы в отпуск, дни рождения знакомых и родных, первый аванс, первая получка, второй аванс, вторая получка, третий аванс...

– Правильно, – поддержал я. – Хорошая классификация.

– Я бы еще добавил – влияние компаний, – дополнил Кошкин.

Ершов в согласии мотнул головой и продолжал перечислять:

– Шестой аванс, шестая получка, седьмой аванс...

– Страшная картина, – сказал я. – Вино, водка, коньяк, самогон, чача, бренди, виски, ликер, ром – все против нас.

– Попробуй бороться с такой громадой, – Кошкин печально вздохнул.

Ершов опять мотнул головой, но счета не прервал:

– Двенадцатый аванс, двенадцатая получка, тринадцатая зарплата, премиальные за сокращение сроков строительства, разовые премии за рационализаторские предложения, четырнадцатый аванс...

– Что делать? – сказал я, и мне стало очень горько, даже пришлось занюхать бутербродом. – Неужели все так и будет продолжаться?

– А я думаю, нет, – хитро улыбнувшись, произнес Кошкин – ему тоже было горько, но он даже не прикоснулся к колбасе. – Есть у меня одна гипотеза!

– Какая? – удивился Ершов, остановив счет на двадцать втором авансе.

– А такая, что решить эту проблему можно только в комплексе мер и мероприятий, сочетающих в себе как добровольный, так и принудительный методы борьбы с алкоголизмом.

– Здорово! Значит, есть выход! – почти крикнул Ершов. – Вот это гипотеза!

– За такую и по третьей выпить не грех, – обрадовавшись, сказал я и быстренько наполнил стаканы.

– Не грех, – подтвердил Ершов и, набрав полные легкие воздуха, опустошил стакан. – Крепкая, зараза.

– Зато хорошо идет, – добавил Кошкин. – К беседе располагает...

Здесь нас и взяли в соответствии с гипотезой Кошкина. Строгие люди с повязками на рукавах.

1980 г.

Как все началось

Произошло это давно, когда люди все были добрыми, честными и открытыми, когда батники и дубленки годами пылились на прилавках универмагов, когда работники учреждений и ведомств еще не додумались до хитрой фразы – «Приходите завтра!», когда жидкость под названием «Волжское» с большим успехом применялась в качестве антисептика для ответственных узлов деревянных конструкций, когда человеку верили больше, чем бумаге, а бумаге доверяли только самое сокровенное – свои чистые мысли.

Все было тогда розовым и голубым. Голубые герои смотрели на жизнь сквозь розовые очки. И всем от этого было только хорошо. В театрах ставили соответствующие пьесы, в которых отражалась соответствующая жизнь соответствующих героев в соответствующих очках.

Но однажды директор одного такого театра вызвал к себе главного режиссера и сказал:

– Давайте, маэстро, посмотрим на репертуар нашего театра трезво, со стороны. Это же какой-то кошмар. Какие мы ставим пьесы? Ни конфликтов, ни отрицательных героев. Все у нас хороши. Все у нас хорошо. Смотреть не на что. Эти постоянные счастливые финалы. Мы совершенно забыли о таком жанре, как трагедия. Подумайте только: если этому древнему жанру придать современное звучание, это же будет потрясение, равное землетрясению.

Главный режиссер был человеком умным, поэтому много не говорил, а сразу позвонил автору пьесы, которую в данный момент репетировали в театре.

– Дружище, необходим новый поворот темы. Как бы это тебе покороче объяснить? ... Если совсем коротко, то нужна современная трагедия!

Автор тоже был парень не промах. И уже на следующее утро принес репетицию первые акты переработанной пьесы.

Главный режиссер был явно в ударе. Возбужденный, он выскочил к артистам на сцену и стал увлеченно объяснять.

– Ребята, все иначе... Все с ног на голову... Где главная героиня? Ну, что это за платье? Оно же все закрывает. Разве можно в таком платье бросить вызов обществу? Тем более своему мужу? И еще: забудь о супружеской верности! Свобода во всем! ... Где главный герой? ... Кому нужна твоя порядочность? Бери! – главный режиссер достал стеклянную емкость с мутной жидкостью. – Без закуски и без стакана – до дна... Кстати, чуть достал. Этого, оказывается, почти нигде не выпускают... Пей, тебе говорят!

– Не могу, – главный герой жалобно посмотрел на главного режиссера. – Это же яд!

– Старик, искусство требует жертв. И зритель требует этой правды от нас. Тебе выпала честь быть первым... Достоверность во всем – отныне это наш главный творческий принцип.

– Я не хочу быть первым, – честно признался главный герой.

– Пей, – грозно сказал главный режиссер. – Только после этого ты сможешь чистосердечно и правдиво ударить свою жену, когда она потребует у тебя твою зарплату...

Он посмотрел на артисток травести:

– С детьми решим так... Дети уже не дети: они быстро становятся взрослыми и знают уже больше своих родителей.

Главный режиссер приобнял артисток:

– Трудная у вас роль, девочки. Запомните, вы больны акселерацией... Так, несите сюда магнитофон, записи да погромче... Нет, эта не пойдет. Нужна музыка, от которой захотелось бы прижаться к земле, врасти в нее. Чтобы соседи стонали, а стены дрожали.

Главный режиссер обошел сцену, глядя на все прищуренным взглядом.

– Кто у нас увольняет главного героя? Начальник отдела? Снимай нарукавники! Ты же – начальник! Ты свое уже отработал. Все графики и таблицы – в сторону! Будешь решать кроссворды. Много кроссвордов... Мы сплавим воедино конфликт семейный с неразберихой на производстве!

...Говорят, успех у спектакля был потрясающий. Зрительный зал театра ломился о публики. И, самое главное, зрители глубоко прочувствовали игру актеров, приняв ее близко к сердцу. Многие из персонажей этой пьесы смело шагнули со сцены в жизнь и чувствуют себя с той поры в ней совсем неплохо. Разве может быть более высокая награда настоящему искусству?

1980 г.

К природе – с любовью

– Красивые здесь места, – сказал Котелков, поудобнее устраиваясь на телеге. – Глаз не оторвешь.

– Это точно. Красотой этот лес не обделен, – ответил я, тоже запрыгивая на телегу, которую мы по счастливой случайности сумели остановить в таком отдаленном от жилья месте. – И это несмотря на такое хищническое отношение к лесам, какое еще можно кое-где встретить.

– А какие здесь лесные обитатели – чудо, – Котелков как-то очень попростому улыбнулся, располагая к себе этой открытой улыбкой. – Я ведь зверей очень люблю. Это моя тайная слабость. Мне очень нравится мысль о том, что все мы: и люди, и деревья, и животные – это нечто единое целое. Убери хотя бы одно звено из этой цепи, как все сразу разрушится.

– Да, интересная мысль, – кивнул я головой. – И очень правильная, зовущая нас беречь и приумножать богатства родного края.

– А знаешь, у меня есть одна маленькая мечта: пожить где-нибудь в лесу, вдали от всех. Так сказать, до конца слиться с природой, чтобы как-то полнее осознать ее первозданную красоту. Я уверен, если каждый человек сумеет осознать это, разве могут быть тогда у нас какие-нибудь сложности с охраной окружающей среды? Разве сможет такой человек тогда подписать приказ о сбрасывании сточных вод в естественные водоемы?

– Конечно же, нет, – снова согласился я.

– И мне кажется, что именно в этом лежит решение такой серьезной проблемы, как охрана природы...

– Вам куда? – обернулся к нам мужик, хозяин телеги. – Мне на Гусаки.

– Нет, дальше нам не по дороге, – ответил Котелков, спрыгивая с телеги.

– Нам прямо.

– Что делать, остальное уже пешком осилите, – сказал мужик, улыбаясь чему-то. – Добычу-то не забудьте.

– Не забудем, – весело отозвался Котелков, уже сбрасывая с телеги наши охотничьи трофеи: трех крупных зайцев и красавицу-лису.

– Ну, всего вам, – все еще лукаво щурясь, махнул нам рукой мужик и тронул лошадь. – Любители и хранители природы.

– И вам не хворать, – отозвались мы с Котелковым и двинулись дальше, продолжая начатый интересный разговор. До деревни было еще идти и идти.

1980 г.

Кто же был третьим?

Старший техник Мигреньев сидел у окна и, глядя на пробегающие мимо машины, груженные деталями, сосредоточенно думал о чем-то своем. Почесав несколько раз ухо, он, наконец, не выдержал и, повернувшись к своему напарнику Катапультову, возившемуся с тисками, озабоченно спросил:

– Я что-то не помню, Катапульт, кто вчера к нам еще подсел? То ли Петраков из механического, то ли Мымриков из литейки.

– По-моему, Петраков, – немного подумав, поигрывая гаечным ключом у виска, ответил Катапульт.

– А, по-моему, Мымриков. Две «Беловежской» были его.

– Э-э, шалишь. «Беловежскую» принес Савочкин из первого цеха. Мымриков же купил три «Агдама».

– Стой, стой. Давай по порядку, – Мигреньев достал карандаш и бумагу.

– Я тебе говорю, сначала Петраков принес спирт и полбанки «Экстры». Вон еще на шкафчике стоит банка.

– Банку вижу, но принес ее не Петраков, а Жупиков. Это я точно помню. У них мастер уволился, который не пьет.

– Жупиков, кстати, пришел после смены и принес четыре «Алиготе». Его жене не дали путевку на море, и он очень обрадовался, – Катапульт подошел к шкафчику. – Точно. Что я говорил. Все количество налицо.

Он достал из шкафчика ровно четыре пустых бутылки. Затем еще две из-под «Вермута».

– А это откуда? – удивился Мигреньев.

– Н-не знаю, – неуверенно ответил Катапульт. – По-моему, это принес ты вчера после обеда.

– После обеда я принес грелку с «Рислингом», – резко сказал Мигреньев. – И полторы бутылки «Кагора». Так что «Вермут» наверняка твой. Ты его принес. И выпил один.

– Не было такого, – не менее резко ответил Катапультов. – Я принес две «Вишневого».

– Не говори глупостей. «Вишневое» принес Поливинилов, чтобы мы ему быстрее достали валы.

– Можешь думать, что угодно, только я один не пью, – недовольный Катапультов снова уткнулся в свои тиски.

– Не пьет он один, – зло пробурчал Мигреньев. – А бутылки откуда?

Еще с минуту он смотрел на злополучные емкости. Затем, тяжело вздохнув, снова отвернулся к окну и задумался.

1980 г.

Как мы дошли

Я сразу понял: не дойду. В груди что-то зашевелилось и отчаянно застучало. Появилась острая боль в ногах. Голова закружилась, и я стал медленно оседать на землю.

– Ты что, Коля? – у самых глаз я увидел взмыленное лицо Петьки, своего крепкого корешка.

– Не могу идти, Петя, – ответил я и повалился на бок. – Оставь меня. Иди один. Ты еще сможешь дойти.

– Как же так, идти одному? Ты же мне друг. Разве можно друга в беде оставить? Это же верная гибель. Ты должен встать и идти, – говорил Петя по-мужски сурово.

– Брось меня. У тебя еще полно сил, – я с трудом поднял руку и потрогал свою открытую рану где-то возле уха. – Крови у меня мало осталось. Хана мне.

Я попытался улыбнуться, но не смог. Не было сил.

– Как же ты обо мне плохо думал? А я ведь уважал тебя. И уважаю. Я же твой друг, – жестко бросил мне в лицо Петя и, крепко обхватив меня, вскинул к себе на плечи.

– А что кровь – свою отдам. Ты только держись крепче. Нам теперь никто не страшен. Настоящая дружба она, брат, горы ворочает, – запомни, – кричал Петька, задыхаясь от тяжести, но упорно шагая вперед. – А вот Ньюрку распустил, факт. Дал ей волю. Ишь, сковородкой так и норовит разукрасить... Умная нашлась... Отдавай ей зарплату... Ты только не волнуйся... Кровь тебе свою отдам. У тебя какая группа?

– Друг, – прошептал я и заплакал. У меня хватило сил обнять его за шею и крепко прижаться к его могучим, неслабеющим плечам. Через час мы дошли. Ровно без двух минут семь. И успели встать в самый конец очереди.

1980 г.

Честный выбор

Это было, действительно, так. Я написал рассказ. Небольшой, но выразительный. Со множеством художественных достоинств. Все в нем было к месту. И любовь, и личный комплексный план, и разлука, и дыхание научно-технического прогресса. Все в нем было в меру. И сахару, и соли, и сарказма, и откровенной желчи. Словом, написал я рассказ и почувствовал: внес-таки свой вклад в сокровищницу мировой литературы.

Вот здесь я по-настоящему и задумался. Что же дальше делать? Кажется, янее некуда – нестись с рукописью в ближайшую редакцию и, скрывая свою очевидную гениальность за немного иронической улыбкой, предлагать творческий плод редактору.

Ясно-то ясно, но меня что-то остановило. Ну, приду я с рукописью. Ну, поднимут меня на руки и понесут всем показывать, попутно сообщая о рождении нового имени в мировой литературе. Автографы посыпятся, банкеты, банкноты. Об этом даже думать не хочется. Суета начнется. Заказы полетят со всех сторон, письма вдумчивых читателей, которым обязательно что-нибудь будет непонятно в моем произведении и которые потребуют сообщить фамилии прототипов моих героев, письма пылких поклонниц, творческие командировки, выступления на радио и на телевидении. А районные газетчики? Они же из меня душу достанут своими вопросами о смысле жизни, о моей рабочей молодости, о творческих планах.

Страшно подумать, как все завертится. И это стоит мне только сейчас снять пальто с вешалки. Кому-нибудь это даже понравилось бы. А меня другое терзать стало. Кого я вместо себя на нашем участке оставлю. Упустил я как-то с наставничеством. Вот и кусай себя сейчас за локти. Учеников-то нету. А работа у меня – это не рассказы пописывать, а штампы по шестому разряду создавать. Дело тонкое, творческое.

Вот так посидел я часок, поразмышлял, а потом встал, как Николай Васильевич Гоголь, и с рукописью к газовой плите направился. Бумага хорошая

была – быстро горела. А я стоял и думал: «Наверное, в жизни каждого гения есть такие мгновения, когда надо честно выбирать, каким делом заниматься, чтобы приносить людям максимальную пользу».

1980 г.

Конфликт

Вечерело. Драматург Монолизмов, поглядывая в окно на зажигающиеся уличные фонари, что-то медленно выстукивал на машинке. «Нет, не то, совсем не то, что надо», – подумал он, перечитав несколько раз только что отпечатанный текст

Потушив сигарету, Монолизмов встал и не спеша прошелся по комнате. «Конфликт им свежий подавай, – при этой мысли он недовольно поморщился, вспомнив слова знакомого режиссера. – А где его взять, этот конфликт, когда все кругом писано-переписано. Советы давать умников много, вот сами попробовали бы придумать».

«Конфликты надо не придумывать, их должна подсказывать сама жизнь», – сказал вдруг Монолизмову его собственный внутренний голос. «Должна, да что-то не подсказывает, – хотел было ответить самому себе драматург, но передумал. – К людям надо быть ближе, к людям».

Он вспомнил, что сегодня целый день так и просидел за пишущей машинкой, выколачивая из нее характеры, события, монологи и диалоги. Поэтому, не долго думая, потянулся за пальто и шапкой: вечерняя прогулка была заработана честно.

«...Ну, где их взять, эти самые конфликты, – равномерно вышагивая и зорко поглядывая по сторонам, думал Монолизмов. – Люди живут тихо, мирно. Зачем им вообще нужны конфликты?»

Он пересек несколько шумных вечерних улиц и свернул в переулок потемнее. «Тоска, тоска смертная, а не жизнь, – упрямо лезла в голову драматургу одна и та же скверная мысль. – Где вы, сильные личности, современные Гераклы?»

– Это хорошо, что ты, корешок, забрел к нам в гости, – перед лицом Монолизмова вдруг выросла фигура двухметрового роста с наглыми улыбающимися глазами. – А ты, Ваня, беспокоился, что никого не возьмем. Я

же тебе говорил, этот переулочек – самое капитальное место для встреч с меховыми шапками и прочими товарами широкого потребления.

Рядом с гигантом появился мужчина ростом поменьше, но, пожалуй, еще шире в плечах.

«На ловца и зверь бежит, – радостно подумал в свою очередь Монолиз. – Стать самому участником конфликта – разве это не грандиозно?»

– Что ты, хмырь, лыбишься? – заметив на губах драматурга улыбку, грозно спросил второй мужик.

«Какой характер! – восхитился про себя Монолиз. – Сколько в нем истинно природного: взгляд, голос, сила в плечах!»

– Что зенки повылупливал? Отвечай, когда тебя спрашивают, – первый здоровяк схватил драматурга за шиворот и, как следует, тряхнул.

«Сколько динамизма в реакции на непонятные явления в окружающей среде, какое стремительное желание разобраться сразу во всем, найти первопричину происходящего. Не в этом ли и заключен конфликт между жаждой познания и неподатливостью окружающей нас действительности?»

– Может, он глухой? – спросил второй мужик, глядя на блаженно улыбающегося Монолиза.

– Ты не глухой? – крикнул первый здоровяк прямо в ухо драматургу.

– Не кричите. Я прекрасно все слышу, – ответил Монолиз. – Даже лучше, чем вы думаете.

– Ну и, слава богу, – сказал второй. – А то ведь мы с больными не работаем... Ну-с, с чего начнем?

И он для начала стащил с драматурга шапку.

«Сколько, однако, противоречий в их характере: жажда наживы и милосердие, накопительство и благородство. Уже только об этом можно писать пьесу», – Монолиз еще раз улыбнулся.

Мужики недоумевающее уставились на него.

– Не нравится мне все это, – нервно перебирая пальцами шапку драматурга, тихо заметил коренастый. – С головой у него что-то. Опять улыбается, словно мы ему сейчас хрустальный сервиз подарим.

– С этими яйцеголовыми лучше не связываться, – согласился с ним долговязый, оставляя в покое шиворот драматурга.

«Запомнить, запомнить, запомнить, – стучало в висках Монолизова. – Ситуацию, одежду, лица, язык, запахи».

Он шумно потянул носом, жмуря от удовольствия глаза.

– Ишь, уже сопаткой заходится, – первый в испуге шагнул в сторону. – Ну, его к лешему.

– Точно, – коренастый быстро нахлобучил шапку на голову драматурга.

Монолизов продолжал стоять с закрытыми глазами, тщательно приносясь к нападающим. Когда он, наконец, осмотрелся, мужиков рядом уже не было. И только в конце переулка еще виднелись две быстро удаляющиеся фигуры.

«Ушли? – удивился Монолизов, и в нем вдруг проснулось чувство протеста. – Но почему? Разве я дал провод?»

Он сделал несколько быстрых шагов и громко крикнул:

– Эй, как вас там... М-м-мужики, вы чего? Стойте! Вы же действие не закончили... Куда вы? Стойте! Ради бога, остановитесь!

Обернувшись на крик, мужики увидели бегущего за ними Монолизова. Он отчаянно размахивал руками и чуть ли не с пеной у рта продолжал что-то кричать.

– Что я говорил? – спокойно заметил долговязый. – Псих, он за версту виден, а ты сразу за шапку хватаешься, не разобравшись... Бежим...

И они побежали. Осознав, что догнать их уже невозможно, Монолизов споткнулся о какой-то примерзший к земле камень и упал на колени. С трудом переводя дыхание, он чуть ли не плакал, ибо чувствовал себя жестоко обманутым.

1980 г.

Культпоход

Сегодня утром к нам пришел наш профсоюзный активист товарищ Перьевой и сказал:

– Товарищи инженеры, ваш отдел серьезно отстает от других подразделений по количеству проведенных культурно-массовых мероприятий. Это сказывается на показателях профсоюзной организации всего треста. Поэтому есть решение: в ближайшее время устранить наметившееся отставание.

– Здорово! – крикнул из своего угла Кошкин. – Давайте пойдем в зверинец. Он к нам в город недавно приехал. Посмотрим на братьев наших меньших.

Товарищ Перьевой серьезно посмотрел на Кошкина.

– Не наших, а ваших, – угрюмо сказал он и добавил. – Словом решайте. Чтобы до завтра вопрос был закрыт...

Мысль о зверинце, тем более в рабочее время, нам всем очень понравилась. Мы быстро собрались и вскоре были на месте.

...Вид зверей ошеломил нас.

Лидочка-машинистка, то и дело оглядываясь на нас, словно сравнивая с очередным животным, удивленно восклицала:

– Настоящие! Никаких комбинированных съемок!

А умный Ершов добавил:

– И пленка цветная. Только у меня в телевизоре краски все равно ярче.

Вскоре мы подошли к клетке с тигром.

– Ух, красавец какой полосатый, – восхитился я. – Настоящий тигр. Ишь, как рычит.

– Какой же это тигр, Поливинилов? – спросил Котелков и показал на табличку, которая висела у входа в клетку. На ней черным по белому было написано – «Лев».

– Товарищи, это, наверное, ошибка, – улыбнулся я. – Тигр, он и есть тигр. И никогда не сможет стать львом. Смотрите, он же полосатый.

– Ну и что? – спокойно отреагировал умный Ершов. – А может это новая порода львов? Может, последнее достижение геномной инженерии? Зря табличку сюда никто ведь не повесит.

После этих слов я сник, не зная, что ответить, а Ершов продолжал:

– Ты, Поливинилов, если хорошо сам не знаешь, не вводи людей в заблуждение. Что мы о тебе можем подумать?

Повернувшись к клетке, Ершов игриво произнес:

– Ух, ты, львенок наш полосатенький...

Его примеру последовали остальные.

Здесь уж я, конечно, выдержать не мог.

– Товарищи, – крикнул я, чтобы меня услышали все. – И все-таки это тигр. Честное слово. Голову даю на отсечение.

– Не нужна нам ваша голова, – раздался у меня за спиной голос нашего начальника, товарища Лепесткова. Он немного опоздал к началу культпохода, поэтому и подошел к нашей группе никем не замеченный.

Я обернулся и замер от неожиданности.

– Не понимаю вас, товарищ Поливинилов, – строго заметил Лепестков. – Что это вы крик в зверинце поднимаете? Тигра от льва отличить не можете?

– Могу, – ответил я.

– Вот и отличайте, – спокойно рассудил наш шеф. – Нравится вам видеть в этой клетке тигра, смотрите себе и радуйтесь. Другие, в том числе и я, видят здесь льва, о чем информирует нас, кстати, и данная табличка, а в ее лице – администрация зверинца.

– Резонно, – криво усмехнувшись, произнес я и, быстро сориентировавшись в создавшейся обстановке, добавил. – Действительно, любопытный экземпляр льва. Но все равно красавец. Царь зверей. Только грива у него, наверное, еще не выросла.

– Ну, это дело времени, – авторитетно заметил Лепестков. – У животных это быстро.

И мы, соглашаясь с ним, закивали головами.

– Вообще, львы – это удивительные животные, – сказал я, стараясь окончательно загладить свою ошибку. – Они способны...

Минут десять я рассказывал своим товарищам, что представляет из себя «лев натуральный», указывая при этом периодически для иллюстрации на лениво растянувшегося в клетке тигра. Когда я закончил свое небольшое выступление, к нам подошел работник зверинца с новой дощечкой.

– Ошибка вышла, граждане, – обратился он к нам, меняя табличку на клетке. – Администрация зверинца приносит вам свои извинения.

Когда он ушел, мы смогли прочесть надпись на этой табличке – «Тигр». Тогда все посмотрели на меня и начали хохотать. Вдоволь насмеявшись, товарищ Лепестков вытер выступившие на глазах слезы и сказал, обращаясь ко мне:

– Да, что-то вы сегодня не в форме, Поливинилов. Тигра от льва отличить не можете. А еще беретесь лекции читать...

Я грустно промолчал, глядя на умного Ершова, который корчил страшные физиономии полосатому хищнику, приговаривая:

– Ух, ты, тигренок наш полосатенький...

Его примеру следовали и остальные...

1985 г.

Схватка

Скажу честно, схватились мы с ней не на шутку. Она крепко уцепилась за мои челюсти, что я невольно подумал, едва ли есть на свете сила, которая помогла бы мне разжать зубы.

От бессильной злобы я резко мотнул головой, но это позволило ей еще плотнее подойти к моему горлу. Можете представить здесь мое положение. Взрослый, самостоятельный, здоровый, где-то даже симпатичный мужчина не может справиться с какой-то, простите за выражение, ерундой. И я, решительно ухватившись руками за собственную челюсть, попробовал освободиться. Как бы не так. Она, словно издеваясь надо мной, позволила мне немножко разжать, а затем с новой силой сжала мои зубы.

Здесь я заметил, что мои энергичные действия начали привлекать всеобщее внимание. На меня стали оборачиваться и смотреть с некоторым интересом. Не хватало только, чтобы ко мне сейчас подошли и спросили: «В чем дело?»

С трудом сохраняя хорошую мину при плохой игре, я поднялся со стула и вышел в коридор.

– Еще один! Двадцать второй! – сказал молодой человек, стоявший сразу за дверью, другому, более пожилому. Затем профессиональным движением руки он просунул мне между зубов что-то металлическое. Послышался легкий треск зубной эмали, но, к моему удивлению, челюсти мои разжались, и я уже мог достаточно членораздельно произнести несколько гласных звуков.

– Ха-хи-хо! – поблагодарил я этих заботливых людей в меру своих морфологических возможностей.

– Не стоит благодарностей, – спокойно ответил мне молодой человек. – Забота о посетителях заводской столовой – наша главная задача. Пройдите вдоль по коридору и направо, там вам освободят гортань, и вы сможете уверенно произносить согласные.

– Главное, ни о чем не беспокойтесь. От наших котлет еще никто не умирал, – добавил более пожилой человек, отмечая что-то у себя в записной книжке. – На этот счет у нас гарантия твердая.

1985 г.

Страшная месть

Ночью у таксиста Гонзайцева разболелся зуб. К утру щеку разнесло на пол-лица.

Взглянув на себя в зеркало, Гонзайцев не на шутку испугался. Глаза его превратились в узкие щелочки, пунцовая слива щеки и вовсе грозила заслонить собою весь белый свет. Измученный бессонной ночью таксист с трудом оделся и медленно побрел в стоматологическую поликлинику.

...Стоящие в очереди к врачу, увидев появившегося нового пациента, тихо охнули. Пожалуй, только у людей с абсолютно здоровыми зубами не екнуло бы сердце при виде налившегося краской «футбольного мяча», свисавшего у Гонзайцева со скулы. Но поскольку таковых в очереди не было, то чувство сострадания к чужому гнилому зубу взяло верх у записавшихся на прием, и таксиста сразу же пропустили в «чистилище» полости рта.

– Доктор, вопрос жизни и смерти, – только и смог произнести Гонзайцев, войдя в кабинет, и рухнул в кресло.

Эту фразу он услышал недавно от одного своего пассажира, который долго, едва ли не на коленях, уговаривал его, хозяина быстроходной «Волги» с шашечками на боку, домчать до места свидания с самой красивой девушкой на свете. Умело пользуясь удобным случаем, Гонзайцев применил тогда безотказный прием общения с пассажирами под названием «еду в парк» и сумел «раскрутить» бедного влюбленного на двойной тариф, причем, в оба конца, чем остался очень доволен. Поэтому и данное выражение врезалось ему в память, чтобы он, Гонзайцев, пользовался им иногда в экстренных случаях.

Зубной врач внимательно посмотрел на вошедшего.

– Как вы сказали? – спросил он.

– Я говорю, – с трудом ворочая языком, ответил таксист, – что жить больше с такой болью не могу. Хоть ложись да помирай. А мне на работу бежать надо. Машина, пассажиры ждут. В таксопарке уже, поди, переполошились, почему я на смену не явился.

– Ага. Значит, вы таксист, – догадался зубной врач и, прикрыв ладонью раздувшуюся щеку пациента, вдруг очень внимательно посмотрел на лицо Гонзайцева.

– Кажется, я вас знаю, товарищ таксист, – произнес едва слышно человек в белом халате после долгой паузы, что-то припоминая. – Вы обычно на круглой площади подбираете пассажиров?

– Точно! – обрадовался непонятно чему Гонзайцев, но улыбнуться не смог: боль едва не лишила его чувств. – Помогите мне!

– Это очень хорошо, что я вас встретил именно здесь, – с некоторым злорадством заметил зубной врач. – Конечно, я тебе помогу, дружок. И еще как.

Достав заранее приготовленные щипцы, доктор велел больному открыть рот. Гонзайцев неимоверным усилием воли заставил себя исполнить это приказ.

– Да-а, верхний справа у вас, товарищ, можно сказать, уже мхом покрылся, – покачал головой человек в белом халате. – Очень жаль, очень жаль.

– Что жаль? – не понял Гонзайцев.

– Жаль, что верхний зуб у вас болит. Я ведь сегодня только нижние рву, – ответил врач и положил щипцы на место. – Ничем помочь не могу. Еду, так сказать, в парк.

– Какой парк? – кривясь от боли, переспросил Гонзайцев. – При чем тут парк?

– Забыл, значит, – с удовлетворением растягивая слова, сказал человек в белом халате. – А ты вспомни. Я тебе тоже вопрос жизни и смерти недавно предлагал решить. Ты мне, что тогда ответил?

Гонзайцев насколько мог широко открыл глаза и сквозь туман набежавших слез кое-как рассмотрел наклонившегося над ним доктора. Это был тот самый полуночный влюбленный, финансовый расчет с которым он, Гонзайцев, любил так вспоминать.

– Вот черт, – только и смог выговорить таксист. Новый приступ боли заставил его закрыть глаза.

– Узнал-таки, – потирая руки от удовольствия, произнес зубной врач. – А я ведь тебя, дружище, на всю жизнь запомнил. Как ты мне чуть всю судьбу не поломал.

– Но ведь довез, – слабо попытался оправдаться таксист. – Скажешь, нет?

– Довез. Это точно. Только и я тебя лечить буду, как ты меня вез. Начнем с нижних зубов. Ишь, какие они у тебя все здоровые. Просто красавцы. Можешь сам выбрать, с которого мне начинать. А этот, поросший мхом, вырвем последним. Вот я и «довезу» тебя, – сказав это, доктор снова потянулся за инструментами.

Ощущая свое бессилие перед этим сильным человеком со щипцами в руках, Гонзайцев заплакал. Он сознавал, что, если и начнет сейчас вслух раскаиваться в содеянном, его просто не поймут. Да и сам он себе не поверит, что подобное у него больше не повторится. Поэтому, мысленно простившись с нижним рядом здоровых зубов, Гонзайцев подумал, успокаивая себя: «Ничего страшного. Вставлю все новые, золотые. Лишь бы от этой боли избавиться. Лишь бы до машины своей добраться».

Иного выхода у него не было. И таксист Гонзайцев покорно открыл рот.

1985 г.

Сириусные кабусяки

Я вам прямо скажу: ненавижу ходить на рынок. Как увижу там цены, меня всего трясти начинает. И ничего не могу с собой поделаться. Мне ведь месяц у станка отстоять надо, чтобы семье своей только один приличный овощной день устроить.

Вот и вчера утром заглянул на рынок, чтобы зелени какой-либо прихватить: теща обещала в гости приехать. Прошелся по торговым рядам и снова не по себе стало.

Особенно меня один такой маленький – весь зелененький, с прямоугольной головой и лампочками вместо глаз – разозлил. Прочитал над ним табличку: “Торгово-закупочный кооператив “Туманность Андромеды”. Чуть ниже – еще одна надпись: “Кабусяки сириусные”.

Правда, кабусяки, действительно, хорошие. Крупные, красные, крепкие. Все почему-то по форме летающую тарелку напоминают.

– За сколько отдашь? – спрашиваю у зелененького.

– Десять руб – один штюк, – отвечает тот с сильным акцентом.

– Что же ты, родимый, трудовой люд своими кабусяками грабишь? – не удержался я. – Совести у тебя нет!

Молчит зелененький, ничего не отвечает.

– Чтоб тебе ни дна, ни покрывки с твоими кабусяками! – продолжаю возмущаться.

А зелененький и ухом не ведет. Только лампочки вместо глаз мигают.

– Ты зенки-то свои не вылупливай, – разозлился я. – Видали мы таких.

– Десять руб – один штюк, – снова говорит зелененький.

Здесь мужик, который рядом с ним торговал луком, махнул мне рукой:

– Он по-нашему не понимает. Гуманоид. Только вчера с Сириуса прилетел. Здесь таких безъязыких много.

– Да хоть с Большой Медведицы, – отрезал я. – Совесть, она у всех и везде должна быть. Ни у кого сегодня таких высоких цен на рынке нету, как у этого.

– Да ты не кипятись, – стал успокаивать меня мужик с луком. – У этих гуманоидов, знаешь, какие накладные расходы. Им до нас сотни световых лет лететь надо. Вот цена и накручивается... А, вообще, парень он хороший, тихий, не курит, не пьет, хотя деньги лучше электронно-вычислительной машины считает...

Посмотрел я еще раз на его кабусяки. Ничего не скажешь, просто замечательные.

– Народ у него кабусяки быстро берет, – снова вставился мужик с луком и вздохнул. – Инфляция. Завтра цены, может, еще выше будут.

– Их хоть есть можно? – спросил я.

– Кто же его знает, – почесал затылок сосед зелененького.

– Ладно, давай две штуки, Андромеда, – сказал я решительно и потянулся за деньгами. – Только, чтобы самые хорошие. А то я ваши кооперативные штучки знаю.

Зелененький быстро положил мне в сетку кабусяки. И я, проклиная межзвездные контакты, отправился домой.

1990 г.

Человек, который стоит за дверью

В углу комнаты приветливо светился экран телевизора. Герои очередного забугорного сериала, демонстрируемого по одному из кабельных каналов, привычно вытворяли свои кошмарные безобразия, а он на протяжении нескольких часов пытался разобраться в хитросплетениях сюжета. Осознав, что дело это совершенно бесполезное, что он так никогда и не узнает, кто же это стоял за дверью, а потом расчленил главную героиню на небольшие фрагменты, выключил телевизор и попытался сомкнуть глаза, чтобы все-таки забыться сном после всех стрессов рабочего дня.

Но, с трудом ворочаясь под одеялом, никак не мог найти спокойной позы, которая расслабила бы все его тело. Ему постоянно что-то мешало. То слишком колючее одеяло. То простыня сдвинулась едва ли не наполовину кровати, и он прикоснулся своим телом к еще не нагретой поверхности. То вдруг совершенно неожиданно почувствовал, как затекла его правая нога. Он сделал движение рукой, чтобы растереть икры, но и здесь его остановила ноющая боль в плече. Непроизвольно повернув голову, словно так можно было увидеть источник боли, он едва не задохнулся. На этот раз перехватило дыхание в горле.

От неясно откуда нахлынувшей беспомощности он готов был заплакать. Какая-то всепроникающая слабость овладела его телом. Она вдавливала его в постель, не давала сна. Это было то полудремотное состояние, когда нет никакой возможности спокойно провести ночь, а надо постоянно испытывать мучения в поисках долгожданного отдыха.

Он с усилием оторвался от мыслей о боли, о собственной слабости. Закрывать глаза было бесполезно. Он посмотрел на потолок, на который сквозь полупущенные шторы ложились длинные неподвижные мутные пятна от газовых уличных фонарей, от которых контуры потолка как-то неестественно размывались, и потолок уже казался угрожающе провисшим, огромным и непонятным, вызывающим чувство неизвестности, а, значит, и страха.

Он решился опустить глаза немного ниже и взглянуть на стены, на обстановку в комнате. Вещи, такие знакомые и близкие днем, стали вдруг отчужденными, серыми и безликими. В дальнем углу возле телевизора четко обозначились две тени. Было бы сейчас чуточку светлее, он, наверное, без труда узнал бы свои высокие кресла для вечерних бесед и размышлений. Но сейчас у телевизора стояли две плотные тени. И он поймал себя на странной мысли: «А вдруг они сейчас зашевелиются?» Впрочем, из постели он все равно ничего бы не заметил. Слишком темно и слишком расплывчаты были контуры теней. Но он все же сощурил глаза и попытался вглядеться в темноту. Нет, бесполезно.

Следующая мысль поразила его еще больше своей странностью: «Может быть, эти тени не только шевелятся, но еще и переговариваются между собой?» Ему ведь все равно отсюда ничего не видно и не слышно. Значит, это вполне могло быть.

Он напряженно прислушался. В комнате что-то происходило. Это он почувствовал настолько ощутимо и близко, что несколько секунд боялся перевести дыхание. Нет, это все же не так близко, как ему сразу показалось. Это напротив кровати – у противоположной стены. Он осторожно наклонил голову на подушке, боясь выдать свои намерения хотя бы одним неосторожным движением, и снова прищурил глаза. Нет, определенно ничего не видно, кроме большого черного пятна. Днем здесь висело зеркало. Зеркало...

Он вспомнил шутку кого-то из своих друзей, заметившего, что зеркало – это дверь к самому себе, к своему второму «я», ко всему тому, что мы крепко-накрепко прячем под масками умников, меланхоликов, дураков. Но он не улыбнулся этой шутке, а похолодел от сознания того, что сейчас эта дверь к самому себе может открыться – чего только не происходит в такие ночи?

Вот! Он опять услышал эти странные звуки, словно скрипят давно не смазанные дверные петли. «Неужели зеркало?» – подумал он и уже не увидел, а почувствовал, как увеличивается пятно на стене. Как оно захватывает все новые и новые пространства.

Чувство неодолимого ужаса стало овладевать им. Несмотря на кромешную тьму, он понял, что в комнате что-то стало меняться. Он бросил быстрый взгляд на потолок. Так и есть. Длинные серые пятна от пробивающегося сквозь шторы света газовых фонарей медленно ползли к стене, словно подкрадываясь к своей добыче. Они становились все отчетливее и отчетливее. Наконец, они переместились на стену, но не остановились, а поползли дальше к разросшемуся едва ли не на всю высоту стены пятну.

Он не мигая смотрел на это движение все более и более белевших пятен, и по мере приближения их к зеркалу ему становилось все хуже и хуже. Но вдруг пятна остановились. И сразу же его внимание привлек странный звук в углу, возле телевизора, словно кто-то передвигал мебель. Две тени, которые до сих пор были неподвижными, вдруг заметно приблизились. Настолько, что он смог достаточно хорошо почувствовать, что перед ним стоят уже не кресла, а люди. Он услышал их прерывистое дыхание и шарканье ногами. Нет, они не подкрадывались. Они остановились где-то возле его кровати и стали переговариваться о чем-то своем, словно пребывание в темной комнате было для них делом до обыденного простым и скучным.

Несмотря на овладевший им ужас, он все же попытался было отползти подальше, на самый дальний край кровати. Но его остановило новое изменение в обстановке комнаты. Снова начали перемещаться пятна от газовых фонарей. Вот они медленно поползли и уткнулись в край зеркала. Но не остановились.

Ему хотелось кричать: в рамке зеркала зияла пустота, от которой повеяло ледящим душу холодом. Но он не крикнул. Увидел, как в освещенном проеме зеркала появилась далекая человеческая тень. По мере того, как она приближалась, задвигались и тени в комнате. Они подошли к его постели. Он заметил, как две костлявые руки взметнулись возле его лица и сомкнулись на его шее. Он понял, что теряет сознание. От страха даже не почувствовал боли. Последнее, что заметил: уже немолодой человек, подошедший настолько близко к проему зеркала, что падающие на него светлые пятна смогли осветить лицо. Он без труда узнал в этом человеке себя...

– Должен еще жить, – оптимистично сказал врач «скорой помощи», сделав ему укол. – Еще немного и мы его потеряли бы.

– Да я как с ночного дежурства пришла, сразу вам позвонила, – стала оправдываться его жена.

Врач посмотрел на стоявший в углу телевизор, перевел взгляд на его постепенно розовеющее лицо и спросил:

– Давно на пакет кабельного телевидения подписались?

– Неделя еще не прошла, – слабым голосом сообщил он.

– Делайте выводы, уважаемый, – назидательно сказал человек в белом халате, собирая свои инструменты и направляясь к выходу. – Или здоровая жизнь, или кабельное телевидение. Третьего не дано!

1992 г.

Активная позиция

Что же это такое вокруг происходит! Вандализм! Варварство! Самоуправство!

Вот выхожу сегодня утром из своей квартиры во двор. Ну, сами понимаете, воздухом чистым там подышать, на людей посмотреть, себя, так сказать, показать, что еще существую, что еще занимаю активную жизненную позицию.

А у нас во дворе прямо под окнами росла такая замечательная березовая рощица. Да все жильцы в этих деревьях души не чаяли, отдыхали в их тени, получали ни с чем не сравнимое удовольствие от общения с живой природой.

А какую радость березки доставляли детишкам! Это надо было видеть. Наша ребятня просто расцветала возле этих белоствольных красавиц, получая наглядный урок экологического воспитания, бережного отношения к зеленому другу в пустынно-урбанистической городской среде. Да что там ребятки! В наш двор приезжали целые делегации из других микрорайонов, чтобы познакомиться с передовым опытом природоохранной деятельности нашей жилищно-эксплуатационной службы.

Так вот, можете себе представить мои ощущения, когда сегодня утром я не увидел этого оазиса зелени в окружающей наш двор среде. Меня чуть не хватил удар. В глазах стало темно, а на душе – тошно.

Хотя и плохо мне было, но я все-таки подошел к мужикам с топорами и пилами, которые уже начали грузить стволы нашей родной березовой рощи в тракторный прицеп.

– Что же это вы, – говорю, – господа хорошие, дела нехорошие делаете? Где же это ваша совесть экологическая ночевала, если вы руки свои поганые на такую красоту животворную наложили?

– Ты бы чухал отсюда, грынпис, – отвечает мне какой-то совсем еще зеленый пацан, забрасывая очередное бревно в кузов, – а то еще ненароком зашибем при погрузке строительного мусора.

Досада меня взяла после таких неласковых слов молодого рабочего. Достал я из кармана блокнот с авторучкой и спрашиваю:

– И кто же тут у вас, соколики, за главного будет?

Мужик, который в тракторной кабине сидел, сразу насторожился. Высунулся ко мне и так спокойно говорит:

– Что ты, придурок, записывать здесь собрался?

– А вот номерок вашего прицепа – для начала. И фамилию бригадира, допустившего групповое экологическое надругательство над зелеными насаждениями. Знаете, сколько вам за каждую березку наши доблестные карательные органы влепят? Вижу, что не знаете. Но, поверьте, незнание закона не освобождает от ответственности. И это совсем не ерунда!

Вижу, слова мои не по вкусу пришились этому, который в кабине. Спрыгнул он и подошел ко мне.

– А, ну, – говорит, – покажи, что ты там накалякать успел.

– Я это, трудолюбивый мой, в экологической милиции покажу, – отвечаю и делаю вид, что направляюсь к ближайшему телефону-автомату. – И запомните, господа: возмездие неотвратимо.

– Что он несет, Петрович? Какое возмездие? – к нам подошел еще один из работяг. – Нам же задание начальник участка дал: срубить деревья, чтобы окна не затемняли.

– Покажите письменную формулировку задания! – нацелился я в него своей авторучкой. – Или все преступные деяния вы совершаете только по устному распоряжению?

Мужик пожал плечами:

– Нам говорят – мы делаем...

– Очень хорошо, – говорю я и заношу этот фактик в свой блокнот. Вижу, очень уж нервируют их мои такие действия.

Вся бригада посмотрела на Петровича. Тот поскреб затылок, сплюнул себе прямо под ноги и говорит мне с недоброй улыбкой:

– Что ты, зараза грамотная, от нас хочешь? Мы – люди маленькие...

– А преступления совершаете большие, – уточнил я и распорядился. – В общем, все немедленно выгрузить обратно и ни к чему больше не прикасаться до проведения следственных мероприятий. Чтобы картина совершенного глумления над первозданной природой была восстановлена в изначальном виде. Это – в ваших интересах, товарищи, максимально помочь органам внутренних дел установить истину и причины, которые привели вас на скользкую дорожку игнорирования природоохранного и уголовного законодательства.

Окинув всю свою бригаду шальными глазами, ко мне подскочил Петрович, схватил за рукав и задышал прямо в ухо:

– Слышь, мужик, кончай наезжать! Тебе бревна нужны на дачу? Так мы мигом! Хорошие бревна!

– Как вам не стыдно – представителю среднего управленческого звена – предлагать мне такое! – я резко повел плечом. – И что вы называете добротным пиломатериалом? Эту второсортную древесину?

– А что? Дровишки для баньки очень даже неплохие получатся, – Петрович снова потянул меня за рукав.

Я нехотя подошел к прицепу.

– Ну, если только дровишки... Ладно. Уговорили. Только все это на месте распилите, порубите и уложите у меня возле баньки под навесом, чтобы лишний раз не мокли.

Достав блокнот, я нарисовал Петровичу схему движения и план своего дачного участка.

– Через два часа сам приеду и проверю. И смотрите, чтобы никакого гнилья не подсунули. Вандалы!

Трактор с прицепом лихо вырулил с нашего двора, оставив после себя облачко сизого дыма.

Я опустился на корточки возле березовых пеньков и погладил их остывающую белизну. Подошла старушка-соседка.

– Вот так, Марковна, заботимся мы об экологии родного города, – грустно сказал я ей. – И ведь никто не протестует. Никому до сохранения окружающей нас среды нет и дела. Что мы за люди такие?!

Старушка перекрестилась, а я, стряхнув с себя березовые опилки, направился к своим «Жигулям». Ясное дело: за этими варварами глаз да глаз нужен. Еще оставят дрова под открытым небом. Работнички!

1999 г.

Лифт

Хрюкин выглянул в окно и оценил погоду.

– Холодноовато, – сообщил он жене и стал натягивать куртку на меху. – Что-то глобальным потеплением и нее пахнет.

Жена тоже подошла к окну и посмотрела с высоты пятого этажа во двор.

– Не пахнет? Выйдешь на улицу – посмотрим, что ты запоешь, – и она указала на соседского кобелька, задравшего заднюю лапу на мирно растущее под окнами подъезда деревце. – Что за люди? Не могут животное подальше отвести! Прямо под ноги другим ведь делает...

– Дорогая, тебе вредно волноваться, – постарался успокоить супруга Хрюкин, нахлобучивая на голову кепку потеплее. – У тебя же давление! Любой стресс может привести к непредсказуемым последствиям. Тем более с утра...

– Попробуй тут не волноваться, – разошлась жена, – когда только и делаю, что гадают и гадают, гадают и гадают...

Что пожелала соседям и их четвероногим любимцам супруга, Хрюкин уже не услышал, так как подхватил свой кейс с бумагами и быстро выскользнул за дверь, поглядывая на часы: опаздывать на работу в условиях электронного дисциплинарного контроля ему совершенно не хотелось. Начнутся разборки, волнения, стрессы...

Он широко шагнул к лифту и деловито нажал на кнопку вызова. Через несколько секунд створки кабины гостеприимно распахнулись, и ... в нос Хрюкину ударил тяжелый аромат, исходивший от солидной горки естественного происхождения, оставленной в самом центре лифтовой кабины.

– Да, не только собаки отличаются у нас невозддержанностью в местах общего пользования, – пробормотал он примирительно сквозь зубы, секунду раздумывая, как бы ему удобнее расположиться по соседству с инсталляцией органики, и, привычным движением зажав двумя пальцами нос, смело шагнул в не очень приветливое лифтовое пространство.

Несмотря на то, что обе руки были заняты делом – контролировали от поражения дыхательные пути и деловые бумаги, – нажать кнопку первого этажа было уже делом обычной житейской практики. Сделал это Хрюкин лбом, изрядно изогнувшись и едва не коснувшись кейсом пирамидального образования на полу.

– Поехали! – облегченно выдохнул он, почувствовав движение кабины вниз.

Уже выходя из лифта, он на мгновение задумался, затем внимательно посмотрел по сторонам и, убедившись в отсутствии посторонних глаз, щедро высморкался в закрывающуюся камеру коммунального заключения, чтобы с чувством исполненного гражданского долга и высоко поднятой головой продолжить свой утренний путь.

2007 г.

Внутренний голос

Едва за его сослуживцами закрылась дверь, он сразу услышал свой собственный внутренний голос:

«Надеюсь, ты хорошо запомнил их слова. Ты должен продержаться десять минут. Всего десять минут! Они верят тебе, поэтому и поручили именно тебе эту ответственную миссию. Можешь рассматривать ее как важнейшее дело своей жизни. Я знаю, как тебе сейчас нелегко. Но ты не должен поддаваться сиюминутным слабостям и соблазнам. Ты должен доказать всем – и себе, и окружающим, что тебе еще можно поручать дела, где требуются настоящий мужской характер, стойкое убеждение патриота своего трудового коллектива, способность проявлять себя по высшей шкале нравственных и человеческих ценностей».

Он судорожно сглотнул слюну, почувствовав, как на висках выступили капельки пота. Внутренний голос продолжал:

«Постарайся успокоиться. Не закичивайся на этих десяти минутах. Впереди еще целая жизнь, которую ты можешь прожить достойно, если сейчас не подведешь всех тех, кто на данном этапе своего земного бытия доверил тебе самое ценное и дорогое. Включи все свои внутренние резервы. Поверь, потенциал твоего человеческого ресурса неограничен, но его надо жестко держать в узде, чтобы не допустить цепной реакции выброса неконтролируемого интеллекта».

От напряжения у него побелели костяшки пальцев. Он попытался встать из-за стола, но внутренний голос остановил его:

«Ты не должен этого делать. Иначе все тебя проклянут. Запомни: суд будет самым суровым, так как это будет суд твоих товарищей, которые неспособны на пощаду. Знай: оправдания твоему поступку не будет. За такие дела люди даже не подлежат реабилитации».

Ему по-настоящему стало страшно. Он весь сжался в комок, почувствовав, как холодеют кончики его ушей. И только внутренний голос вывел его из этого оцепенения:

«Прошло пять минут. Я восхищаюсь тобой. Столько выдержки в экстремальной ситуации. Это – здорово! Помни, такое дано не каждому, а только людям с большой буквы».

За дверью послышались шаги.

«Они возвращаются раньше на три минуты, – подсказал ему внутренний голос. – Не доверяют, что ли? Тогда определяйся! Ты должен принять решение! Здесь и немедленно! Сейчас или никогда!»

В одно мгновение в его сознании кадрами немого кино прокрутилась вся жизнь. Сколько в ней было всего – горестей, падений, неудач. А вот праздников, радостей, побед – практически и не вспомнить

– Ну, нет уж, фигушки, – сказал он громко себе и потянулся к сумке, оставленной сослуживцами. – Им, видите ли, огурчиков не хватает! А нам и так сойдет!

И словно чеку с боевой гранаты сорвал винтовую пробку с первой попавшейся ему под руку пол-литровой емкости.

«Я так и знал, – сообщил ему вдогонку внутренний голос. – Ты все-таки способен на поступок!»

Соглашаясь с этим, он оторвался от горлышка уже пустой бутылки и шумно втянул носом запах рукава...

2007 г.

Послание к цивилизации

Кабусякин сидел на автобусной остановке, спрятавшись за киоск от порывов холодного ветра, и в ожидании общественного транспорта рассматривал жировку за коммунальные услуги, которую достал сегодня утром из своего почтового ящика.

– Ничего не понимаю, – бормотал он себе под нос. – Все говорят о наступлении глобального потепления, а плата за отопление растет. Ерунда получается!

Никого рядом с Кабусякиным не было, а потому и посоветоваться было не с кем. После очередного порыва ветра он поежился, но решил все-таки дождаться автобуса.

– Дойду до председателя райисполкома, но разберусь, почему народ дурят, – убеждал он себя. – Если глобальное потепление – факт, то и платить за отопление надо меньше. А у нас – все наоборот!

Здесь внимание Кабусякина привлек металлический скрежет, который донесся со стороны канализационного люка – прямо за его спиной. Обернувшись, владелец грабительской жировки замер от удивления: старая ржавая крышка люка вдруг приподнялась и отодвинулась слегка в сторону. Из колодца потянуло нечистотами. Затем показалась зеленая рука и голова того же цвета весьма странного живого существа, похожего на человека. Только вместо глаз у него были лампочки, а вместо ушей – тарелки-антенны.

«Совсем плохо у нас с экологией», – подумал вдруг Кабусякин и инстинктивно отпрянул от канализационного люка.

– Не уходите, очень прошу вас, не уходите, – донесся до него механический голос зеленого человечка, – Я должен вам передать послание к цивилизации.

– Командир, ты уверен, что мне что-то должен? – недоверчиво спросил Кабусякин, глядя на мигающие лампочки-глаза незнакомца.

– Должен, еще как должен, – в голосе зеленого чувствовалась усталость. – Я ведь очень долго добирался к вам сюда, на поверхность, от центра нашей замечательной планеты. Меня к вам направили силы, которые озабочены глобальными катастрофическими изменениями, происходящими на Земле.

– Мужик, может, ты пива хочешь? – участливо спросил Кабусякин. – С бодунца, бывает, и похлеще проблемы мучают.

– У меня очень мало времени, – продолжил обладатель непропорционально большой зеленой головы с антеннами. – Мы, живущие в центре земного ядра, видим, как стремительно вы приближаетесь к собственному уничтожению, дело идет к исчезновению всей человеческой цивилизации.

Зелененький помахал Кабусякину своей маленькой ручкой, в которой держал предмет, внешне похожий на компьютерную дискету.

– Вот здесь, – он потянулся из люка, чтобы отдать пластину, – содержится наше послание-предостережение всем землянам. Если вы не остановите свою варварскую политику бездумного выкачивания из земных недр всех запасов, уже в ближайшее время земная ось сдвинется с места. И тогда всех вас ждет беда планетарно масштаба – глобальное потепление. В результате стихийных бедствий будут затоплены мировым океаном целые материки.

– Что ты там про глобальное потепление гундосишь? – заинтересовался Кабусякин и взял протянутый ему предмет.

– Оно к вам уже пришло, – ответил посланник из центра Земли слабеющим голосом. – Но катастрофу еще можно предотвратить, если принять меры, о которых говорится в нашем послании. Передайте его всем народам и правительствам!

Кабусякин заметил, как у зелененького стали быстро гаснуть лампочки-глаза.

– Как я счастлив, что успел выполнить возложенную на меня историческую миссию по спасению нашей удивительной и неповторимой

планеты, – произнес свои последние слова незнакомец и навсегда исчез в канализационном люке.

Кабусякин растерянно посмотрел сначала на полученную дискету, затем – на приоткрытый люк.

– Вишь, и этот говорит, что глобальное потепление – факт! – в задумчивости он почесал дискетой висок. – Все сходится: плата за отопление должна быть меньше. Станет еще теплее – вообще платить не придется! Что и следовало доказать! ... Только вот пугать нас не надо!

Кабусякин медленно подошел к крышке люка и ногой аккуратно задвинул ее на место. Затем, повертев дискету в руках и внимательно посмотрев по сторонам, спокойно опустил ее в рядом стоявшую массивную урну. Немного подумал и, что есть силы упершись в мусорницу, надвинул ее на люк.

– Теперь ни за что не откроет! – удовлетворенно сказал он себе и увидел подруливающий к остановке автобус.

Садясь в него, Кабусякин еще раз внимательно посмотрел на крышку люка. Она не шевелилась.

«Нормально», – обрадовался он и пошарил глазами по ходу движения автобуса по другим канализационным колодцам. Все они были придавлены массивными урнами...

2007 г.

Абрикосы

Скажу прямо: уже целую неделю не могу спокойно смотреть на абрикосы, хотя всегда относился к ним очень позитивно. Все мне в них нравилось: витамины, свежесть, сладость. Но вот через собственную вежливость и галантность получил семь дней назад такую психологическую травму, что просто не представляю, когда, наконец, перестану чувствовать в себе ее последствия в виде устойчивого отвращения к этим плодам. Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Выправился я в тот день с утра в продовольственный магазин, который от нашего дома всего лишь через улицу расположен. Не буду кривить душой: нормальный магазин с нормальным ассортиментным минимумом. И даже, когда недалеко от него открылась палатка, торгующая фруктами и овощами, мнение мое о нашем гастрономе не изменилось. Более того. В том, что касается ценовой политики, так я и вовсе для себя ряд открытий сделал. Вот, например, абрикосы. Лежат они в этой палатке – красивые, сочные, желтые, но по восемь рублей за килограмм. Понятно, что это – не просто дорого, это – какой-то ценовой космос.

Захожу с этими мыслями в наш «гастрик» и сразу направляюсь к выкладке фруктов. Подхожу и вижу: на единственном поддоне такие же замечательные абрикосы лежат, но цена – не поверите! – три рубля пятьдесят копеек. Вот и я глазам своим не поверил. Сразу стал искать подвох. Может, они только сверху такие? Слегка перебрал в поддоне эти желтые шары. Нет, один – в один, один лучше другого! Сделал шаг назад и задумался. Ну, не может быть такого! Даже на секунду зажмурился, не веря своему счастью.

Когда открыл глаза, вижу: передо мною к поддону такая дамочка, явно сошедшая с полотен Рубенса, протиснулась и без всяких там сомнений и угрызений совести стала полиэтиленовый пакет желтыми плодами набивать. Это меня немного успокоило и обнадежило: значит, никакого подвоха нет! Поэтому полшага в сторону сделал и в ожидании подхода к заветному поддону

стал прикидывать: сколько же этого добра лучше взять? Ведь такой шанс не каждый день выпадает. Полез в карман за деньгами. Думаю, на килограмм-два хватит.

В этот момент дамочка, уже набравшая три пакета абрикосов, поворачивается ко мне и таким просто ангельским голосом говорит:

– Мужчина, будьте любезны, подкатите мне тележку от касс, а то ведь в руках я все не унесу...

До сих пор не пойму, как я тогда мог ей ответить:

– Конечно, конечно, сейчас я вам помогу...

И, продолжая высчитывать объем предстоящей покупки на имевшиеся у меня деньги, отправился за тележкой. Прикатил ей это средство транспортировки товаров, а за дамочкой уже несколько человек выстроилось. Передаю ей тележку и всей очереди объявляю:

– Я здесь стоял...

И пытаюсь вклиниться туда, где, действительно, несколько минут назад стоял. Не будет преувеличением сказать, что меня встретило гробовое молчание не очень приветливых людей с покупательскими корзинками в руках, мрачно наблюдавших, как «рубенсовская тетка» уже восьмой или девятый пакет абрикосами заполняет. И только один из этой очереди – с лицом явно серийного убийцы – подчеркнуто спокойно и медленно ответил мне:

– Любезный, мы здесь уже давно стоим. И что-то вас не припомним...

Вся очередь молчаливо с ним согласилась.

– Как же так, – попытался я восстановить справедливость и обратился к дамочке, которая уже успела абрикосами всю тележку завалить. – Скажите им, как все было на самом деле...

– Это уже без разницы, – ответила та и быстро покатила тележку к кассам.

Мы так и рванули все к поддону. А там – штук пять полусгнивших плодов осталось. Вышедшая из подсобки женщина в рабочей униформе только подлила масла в огонь, заявив:

– Этот поддон – последний.

Что тут началось?

– Хватайте сообщника, – крикнул кто-то из очереди.

И я сразу почувствовал, как меня схватили за руки. Не буду врать: меня практически не били. Так, пару раз прошлись по почкам, но, можно сказать, совсем не больно. Да я и не сопротивлялся особо.

Вот чему мои оппоненты не могли долго поверить, так это тому, что тележку я этой тетке привез не по сговору с корыстной целью, а исключительно из врожденной вежливости и непонятно откуда взявшейся в нашей действительности галантности.

Пока разбирались со мной, дамочка с абрикосами, конечно, успела унести ноги. Вскоре после нее в смятении чувств покинул магазин и я, не понимая толком того, радоваться мне надо или огорчаться тому, что произошло в торговом зале. Ведь, с одной стороны, я так и не купил желательных плодов, но, с другой, – все-таки остался жив. И это, видимо, в данной истории главное. А вот на абрикосы с той поры смотрю все еще резко отрицательно. Несмотря на их витамины, свежесть и сладость.

2017 г.

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.de

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.de

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum